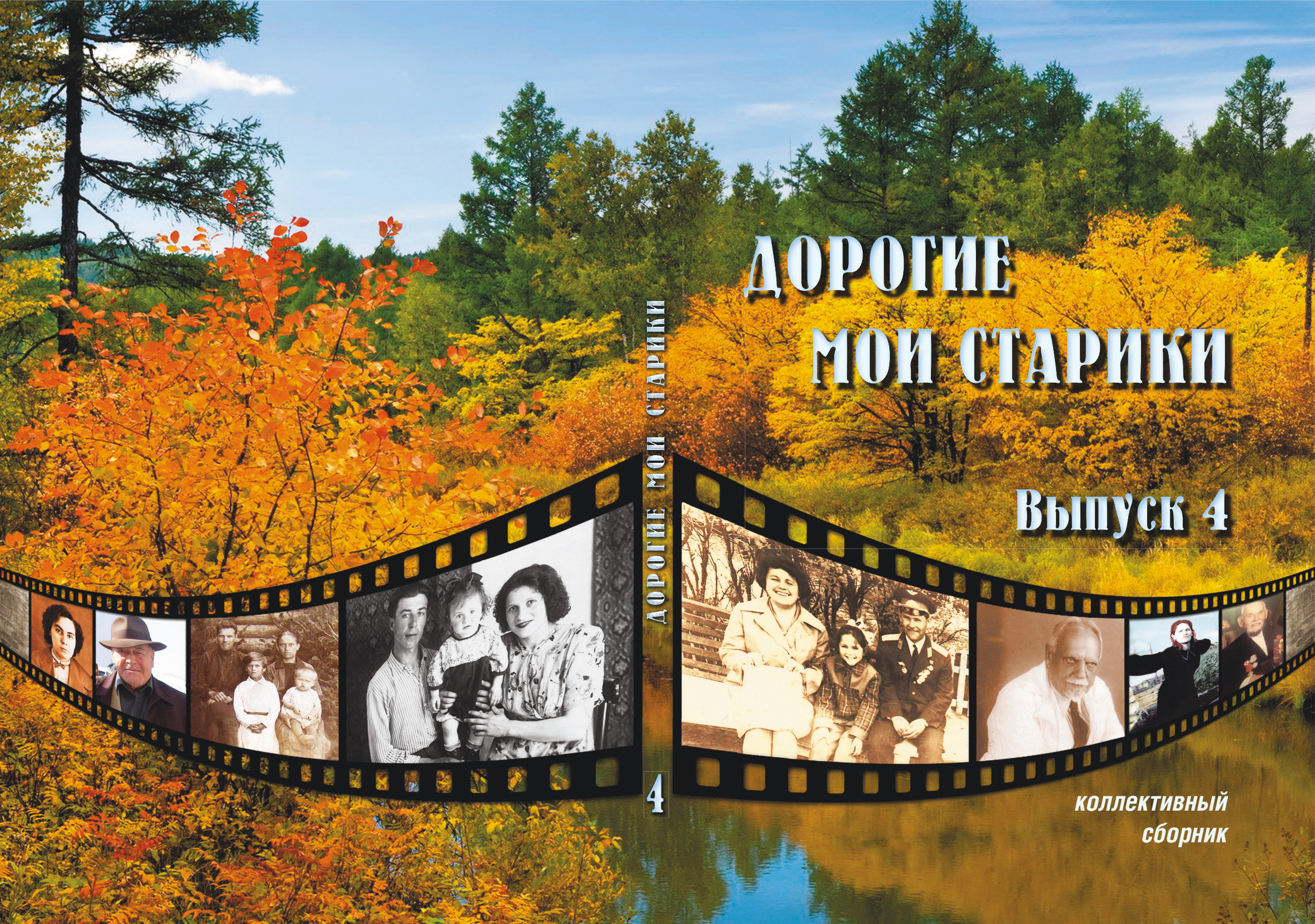
ДОРОГИЕ
МОИ СТАРИКИ
Выпуск 4
коллективный
сборник
ДОРОГИЕ МОИ СТАРИКИ
4

Серия «Серебро Слов»

Дорогие мои старики

Сборник произведений

Выпуск 4

Коломна
Серебро Слов
2020

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Д69

Редколлегия:

Сергей Сергеевич Антипов
Заместитель председателя Правления
Московской областной организации
Союза писателей России

Игорь Евгеньевич Витюк
Заместитель председателя Правления
Московской областной организации
Союза писателей России

Денис Викторович Минаев
Генеральный директор издательства «Серебро Слов»,
секретарь Правления
Московской областной организации
Союза писателей России

Надежда Васильевна Казакова
г. Химки, редактор-составитель сборника

Д69 **Дорогие мои старики.** *Сборник произведений. Вып. 4 / [Авт.; Ред.-сост. Н.В. Казакова].* — Коломна: Серебро Слов, 2020. — 133,[1] с.

ISBN 978-5-907316-00-3

© Авторы, 2020
© Казакова Н.В.,
редактор-составитель, 2020
© Анисимова Е.В., обложка, 2020
© Серебро Слов, 2020

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЯМ

Представляя этот выпуск проекта «Дорогие мои старики», я хочу поделиться с вами вот какой мыслью: совместная работа авторов из разных уголков России и ближнего (а порой и дальнего) зарубежья открывает всё новые горизонты для читателей. Команда талантливых единомышленников готовит к публикации поистине редкие, единственные в своём роде текстовые материалы — будь то художественные произведения или основанные на документах исторические исследования. В них нет высоких слов, пустых призывов, есть только Правда и искренние чувства пишущих.

Иллюстрации на обложке сборников — это фотодокументы из фамильных альбомов или архивов. И они — подлинные свидетельства о важных событиях, особенностях семейного уклада, трудовых и военных буднях героев наших публикаций. К примеру, в предыдущем выпуске мы дали фотофакт, запечатлевший рукопожатие первого космонавта Юрия Гагарина и бригадира комплексной бригады Ивана Голева у пристанционного блока Красноярской ГРЭС. Сделан был снимок в сентябре 1963 года и хранился в семье Валерия Кожушняна, нашего автора, сына прославленного строителя.

Редакционная коллегия и впредь будет держать курс на самобытность, уникальность судеб и творчества наших авторов, чтобы каждый сборник принёс вам новые знания об известном и неизведанном, дал повод и возможность задуматься над прочитанным, улыбнуться, или всплакнуть, или вспомнить былое и — с интересом перевернуть следующую страницу.

Так сложилось, что мы сохраняем — к большой нашей радости — «основной состав» авторов, тех, кто принимает участие в сборниках с момента старта проекта «Дорогие мои старики». Их произведения и будут представлены первыми.

Среди тех, кто сегодня пригласил читателей на встречу, **Светлана Бестужева-Лада** (Москва). Её «Бабуся-стриптизёрша» возвращает читателей в недалёкое прошлое, когда многие жители городов и сёл в поисках заработка коренным образом вынуждены были менять свой привычный ритм, место работы, профессию и становиться «челноками», уличными зазывалами или даже звёздами стриптиза.

Татьяна Гуркова (Моршанск, Тамбовская область), также активно сотрудничающая с издательством «Серебро Слов», рассказала о редком экспонате историко-художественного музея, которым она руководит. Это письмо первого наркома здравоохранения, светила медицинской науки Николая Александровича Семашко местным врачам. Датировано оно октябрём 1944 года и начинается словами «Дорогие мои старики». Ответ на вопрос «Что связывало Н. А. Семашко с врачами небольшого городка?» читатели найдут в публикации.

Александр Дубровин (Гусь-Хрустальный, Владимирская область) впервые опубликовал рассказ «Медаль» в первом сборнике «Дорогие мои старики». Теперь он вынес на ваш суд рассказ «Ноша», в котором делится своими наблюдениями за характерами и поведением людей, объединённых одним коллективом, но никак не взглядами на жизнь и окружающих.

Поэтесса **Анна Дьяконова** из Пятигорска на этот раз посвятила своё задушевное стихотворение бабушке. Небольшое по объёму, оно вместило нежность и любовь, которыми согрето её имя в воспоминаниях автора.

Произведения **Иакова Липянского** (Рига, Латвия) присутствуют во всех выпусках проекта. Напевная лирика, равно как и проза, надолго завладевают вниманием и памятью читающих. Думается, подборка из пяти стихотворений, размещённая в четвёртом сборнике, не станет исключением и полюбится поклонникам поэзии.

Стечение обстоятельств не даёт возможности Полине, героине рассказа «Люкс с видом на Преголю» (автор **Надежда Казакова** из Химок Московской области), вылететь вовремя из аэропорта «Шереметьево» в город своей юности. Одна-

ко всё заканчивается благополучно, и как будто по взмаху волшебной палочки, в качестве компенсации за пережитый стресс, она получает шанс поселиться в лучшем номере лучшей, по мнению Полины, гостиницы Калининграда. События всего одного дня, находящиеся в центре рассказа, стали лакмусовой бумагой человеческих взаимоотношений.

Произведения **Людмилы Колбасовой** (Балашиха, Московская область) — это серьёзная психологическая проза. О чём бы и о ком бы ни шла речь, автор ведёт вас за собой, раскрывает тайны характеров и жизненных перипетий персонажей, но никогда не настаивает на исключительности собственных выводов, предоставляя право читателям самостоятельно дать оценку происходящему, увидеть многозначность и сложность описываемой ситуации. Рассказы «Баба Нюра», «Кашемировое пальто», «За гранью», включённые в этот сборник, — лучшее тому подтверждение.

По лёгкости слога и глубине коллизий малая проза **Фаины Нестеровой** (Чайковский, Пермский край) достойна того, чтобы её читали в каждой семье. Рассказы «Бельчонок Яша» и «Судьба» — очень разные, очень непохожие по содержанию, но близки они тем, что о нас, людях, раскрывают правду — не всегда, к слову, приятную. Одни представители рода человеческого могут прощать проделки шустрому зверьку, живущему у них в доме под знаком всеобщей любви, а другие лишают дома себе подобных, самых близких по крови.

О своих бабушках рассказывают в сборнике **Любовь Потанина** (посёлок Красногвардейский, Свердловская область) и **Анна Шувалова** (Владимир). Авторы находят такие проникновенные трогательные слова, что сразу понимаешь: пишут они о тех людях, которые занимают особое место в их сердцах и судьбах.

Ирина Салтанова (Севастополь) обладает обострённым чувством восприятия окружающего мира: она видит трагическое и героическое в обыденных вещах, придаёт огромное значение деталям, интуиции, догадкам и никогда не поддаётся соблазну погрешить против истины. Рассказы крымской писательницы напоминают гравюры: всё в них до мельчайших деталей чётко и выверено. «Откровение издалека»,

подготовленное специально для сборника, который вы держите в руках, — не исключение.

Геофизика **Владимира Карасова** (Чита, Забайкальский край) только условно можно назвать дебютантом в литературе: его произведения уже печатались в родном Забайкалье, в Приднестровье, где он учился в школе, а потом работал на Днестровской ГРЭС. Первая публикация этого автора в сборнике «Отчий дом» нашего издательства совсем недавно тоже увидела свет. Однако в проекте «Дорогие мои старики» Владимир новичок. «Чайка по имени Мама» — это невыносимая боль утраты, это бескрайняя невысказанная любовь, это полёт мысли следом за чайкой, льнущей к волне океана. А ещё сомнения, и страдания, и надежда на то, что голос его будет услышан там, где нашла покой её душа. Это мощно, стремительно, откровенно, размашисто, как и должно писать настоящим мужчинам.

Александр Деловеров (Санкт-Петербург) — профессиональный журналист, но сегодня круг его интересов лежит в другой плоскости. Впрочем, это не имеет никакого значения, если речь идёт о хорошем слоге, стройном сюжете и подкупающей откровенности героев произведений, выходящих из-под пера Александра. В том, что это действительно так, вы можете убедиться, прочитав рассказ «Pianissimo», с которого автор начинает своё сотрудничество с издательством.

Поэтесса **Тамара Потапова** (Москва) — член Московской городской и областной организаций Союза писателей России, автор трёх поэтических книг, награждена двумя Серебряными крестами, медалями Маяковского и «Литературный Олимп». В сборниках «Дорогие мои старики» Тамара принимает участие впервые. «Дорогим родителям» и «Часики» — это дань памяти самым близким на свете людям.

Стихотворения «Одинокий старик» и «Вы — любовь моя нежная» московской поэтессы **Надежды Кульчицкой** соткана из переплетения самых разных и искренних чувств. Они легко читаются, надолго запоминаются и к ним хочется возвращаться вновь и вновь.

Экономист **Татьяна Яковлева** (Новолукомль, Витебская область, Беларусь) начала писать стихи не так давно, и сти-

хотворение «Старушка» — первая в её жизни публикация в подобном сборнике. Очень хочется верить, что она окажется не единственной, потому что у нашего нового автора хорошие поэтические задатки: Татьяна умело владеет словом, дружит с ритмом и рифмой, безошибочно подмечает главное, никем ещё не высказанное, в череде однообразных дней.

...Шестнадцать авторов приняли участие в подготовке четвёртого выпуска проекта «Дорогие мои старики». Посмотрите на мир их глазами, прислушайтесь к их сокровенным мыслям, и вы вдруг поймёте, что у вас прибавилось шестнадцать друзей — неординарных, мудрых, надёжных. И это ещё одна отличительная черта наших сборников — объединять людей.

Надежда Казакова,
автор и редактор-составитель сборника
«Дорогие мои старики — 4»

Светлана Бестужева-Лада

г. Москва

БАБУСЯ-СТРИПТИЗЁРША

Есть профессии, которыми гордятся. А есть такие, которые и вслух выговорить стыдно. Не всем, конечно, а только тем, кому «за...». Тем, кто до сих пор не привык к тому, что всё в нашем мире перевернулось, все понятия смешались. Стриптиз? О боже! Но у этой женщины просто не оставалось иного выбора, чтобы её внук ни в чём не нуждался...

Она спит по утрам часов до одиннадцати-двенадцати, и сон, пожалуй, — самые прекрасные часы в её нынешней жизни. А потом нужно вставать, натягивать спортивный костюм, кроссовки — и до одури бегать по набережной Москвы-реки, подальше от выхлопных газов и нескромных прохожих. Спортивную форму очень легко потерять и очень трудно вновь обрести. Особенно тогда, когда сорокалетний юбилей уже позади.

Потом она полчаса проводит под душем, горячим, прохладным, холодным. Газовая колонка, теперь уже почти антикварное приспособление, позволяет это проделывать вне зависимости от очередного или внеочередного «компрессирования труб» — процесса столь же загадочного, сколь раздражающего счастливчиков — обладателей «горячего водоснабжения». До коммунальной квартиры в старом московском доме на Остоженке прогресс ещё не добрался.

Потом она завтракает: фрукты, сыр, кофе. Ни единой лишней калории не должно попасть в организм до начала рабочего дня. Точнее, вечера. А ещё точнее — ночи. В общем, того времени, когда начнётся представление в одном из ночных клубов в самом центре Москвы. Вот после двух номеров — обязательного и «на бис» — можно позволить себе поесть. Сочный бифштекс, аппетитно подрумяненную курочку, запечённую в тесте рыбу. И вкусно, и приятно — платит «заведение». Значит, как минимум десять долларов остаются в кармане...

Зоя никогда бы не подумала, что после сорока лет придётся вести такой образ жизни и заниматься такими подсчётами. Но человек предполагает, а жизнь, как известно, располагает. И ей, Зое, в прошлом балерине на вторых ролях, Бога надо благодарить за то, что не приходится сейчас унижаться перед малограмотными администраторами, чтобы включили в концертную труппу, которая месяцами гастролирует «в глубинке». Денег там платят — только-только с голоду не помереть, в гостиницах — ни горячей воды, ни нормального кофе, в одной комнате селят по три-четыре «девочки»... Одна до утра читает — бессонница, вторая храпит, как извозчик, третья приходит под утро, потому что живёт с директором труппы. И каждый вечер одно и то же: «Танец с арабесками» или «Умирающий лебедь». Да кому они нужны, эти арабески в сопровождении «простуженной» записи на магнитофоне!

Одно время, правда, Зоя и этим поездкам радовалась, когда из балетной труппы не слишком большого и не слишком престижного, — но московского, столичного! — театра выперли. Именно выперли, хотя сделали это виртуозно, с иезуитской вежливостью. Понадобилось кому-то из руководства пристроить любовницу (три спектакля в месяц, вся партия — на третьем плане, зато профессия — ба-ле-ри-на! — а не секретарша), и, будьте любезны, Зоя Степановна, пройдите переаттестацию... к сожалению, комиссия не слишком довольна... возраст, голубушка... очень рекомендуем по собственному, так сказать, желанию... хоть пенсию будете получать.

Пенсия... Кому сейчас вообще нужны пенсионеры? А уж те, кому она «положена» в тридцать пять или в сорок лет, вообще оказываются лишними на этом празднике жизни. Лицо молодое, фигура — в порядке, ещё всего хочется, ещё сил полно, а тебя — раз, и «в тираж». Кто-то спивается, кто-то кончает с собой.

Считанные единицы переламывают ситуацию в свою пользу: отставные лётчики учат летать новоиспечённых владельцев частных самолётов, пристраиваются в каких-то спортклубах, уходят в таинственные «коммерческие структуры»; отставные балерины открывают частные танцклассы или

идут в гувернантки к детям «новых русских». Или тихо доживают свои дни, тратя то, что удаётся выручить за подаренные прежними любовниками тряпки и побрякушки.

Любовниками Зоя в своё время не обзавелась: мама воспитывала её в строгости, — да и мечта стать прима-балериной, как Уланова или Плисецкая, перевешивала мимолётные сердечные увлечения. Потом появился Серёжа — трогательно влюблённый математик, рассеянный, как все настоящие учёные, без пяти минут доктор наук. Он не пропускал ни единого спектакля с участием Зои, провожал её домой, дарил цветы и абсолютно ничего не требовал взамен.

Пренебречь таким мужчиной было бы просто глупо, и Зоя вышла за Сергея замуж — без особой любви, скорее по расчёту на «прочный тыл». Расчёт оказался абсолютно верным, тем более что первые пять лет супружеской жизни для Зои и на первом, и на втором, и на пятом месте были балетный станок, репетиции и спектакли. Всё остальное существовало постольку поскольку. Ни разу она не дала мужу малейшего повода для ревности. А позже, когда стало ясно, что примы из неё по целому ряду причин не получится, было решено — она рожает. Ребёнок — это уже полноценная семья, нечто скрепляющее, какая-то гарантия. А танцевать вторые партии можно и после родов — не она первая, не она последняя.

Так появилась Лялька — по метрике Людмила, Серёжа успешно защитился — в тридцать лет был уже доктором наук. С Лялькой нянчилась Зоина мама, бытовыми проблемами занималась тоже она, а Зоя по-прежнему жила в репетиционном зале да на сцене — благо очень быстро восстановила прежнюю форму. В деньгах нужды не было: приобрели жигулёнок, каждый год отдыхали на юге, копили деньги на кооператив.

А пока Серёжа удачно обменял свою однокомнатную, гостиничного типа, квартиру в спальном районе у чёрта на куличках на комнату в той коммуналке, где жили Зоя с мамой. И уже после рождения Ляльки семья заняла третью комнату. Получилась почти отдельная квартира: один из соседей, инженер-нефтяник, практически всегда был в отъезде, а супру-

жеская чета пенсионеров — тишайшие и интеллигентнейшие люди — могли считаться скорее родственниками: всю жизнь прожили бок о бок.

Поэтому деньги на кооператив копили, но как-то вяло. Предназначался он для Ляльки, когда она вырастет и выйдет замуж, а до этого ещё — глаза вытаращишь.

Во всяком случае, так казалось до тех пор, пока во время одного из отпусков не случилось трагедии: Серёжа утонул. Погиб глупо и нелепо, в полутора десятках метров от берега. Врачи потом сказали — сердечный спазм. Возможно. Спортсменом он никогда не был, даже утреннюю зарядку не делал, но не пил, не курил и даже к кофе в отличие от Зои пристрастия не имел. И вот — сердце отказало за два месяца до сорокалетия. А Зоя в тридцать пять лет осталась вдовой с десятилетней дочерью на руках.

Беда, как известно, одна не приходит: через два года после этого состоялась пресловутая «переаттестация». А позже вообще всё в стране покатилось вверх тормашками. Деньги, отложенные на кооператив, превратились в ничто, и по осени Зоя купила на них шубу для Ляльки — на вырост. Какое-то время она танцевала в небольшом «экспериментальном» театре, где все эксперименты сводились к тому, что танцевали босиком в каком-то подобии античных хитонов.

Но потом и этот театр распался, канул в небытие. Вот тогда-то и начались Зоины хождения, точнее, езда по гастрольным мукам. Маминой пенсии хватало на хлеб и молоко, Лялька росла. Продали жигулёнок, но и этой суммы хватило всего на год, как ни экономили, как ни тряслись над каждой копейкой.

А в один далеко не прекрасный день и гастроли кончились. Правда, временно, в связи с какими-то организационно-финансовыми трудностями, но есть-то хотелось каждый день. Да ещё Лялька преподнесла сюрприз: в семнадцать лет ей позарез понадобилось выходить замуж за своего ровесника-одноклассника по очень уважительной, хотя и достаточно прозаической причине: Зое предстояло в сорок три года стать бабушкой. К чему она не была готова ни морально, ни тем более материально. Будущие же родственники — родите-

ли юного мужа — согласие на брак дали, но предупредили, чтобы ни на родительский кров, ни на материальную помощь сын не рассчитывал. Сделал глупость — пусть выкручивается сам как знает.

В общем — караул! И тут случай, счастливый или нет, сказать трудно, столкнул Зою на улице со старой приятельницей Машкой, когда-то подававшей большие надежды солисткой кордебалета в их театре. Машка в «той» жизни устроилась идеально: плюнула на карьеру и вышла замуж за директора какого-то магазина, после чего и зарплату-то в театр не всегда приезжала получать. Судя по всему, и в этой, изменившейся жизни она не бедствовала: ухоженная, прекрасно одетая, она выходила из магазина итальянской мебели на Остоженке. А Зоя шла в булочную по соседству.

Старый друг лучше новых двух — банально, но верно. Машка всплеснула руками, заохала от восторга и потащила Зою «посидеть, потрепаться» в маленькое уютное кафе неподалёку. Там они и просидели битых два часа, рассказывая друг другу о прошедших годах. Собственно, рассказывала в основном Машка, а Зоя отделывалась короткими сведениями: который год вдовствует, из театра попросили, пока как-то выкручивается. Машка, добрая душа, сочувствовала, но тут же соскальзывала в более приятные для неё области сплетен и слухов,

— Нюшка наша (подразумевалась театральная прима) теперь учит танцевать французов, представляешь? Мы с мужем ездили весной в Париж, у неё там студия. Умереть можно! Из неё педагог — как из меня певица. А ведь живет припеваючи, вот что значит наша марка. Из девчонок никого давно не вижу — повыходили замуж, кто навсегда уехал, кто просто из дома не выходит. А мы с мужем на днях были в ночном клубе — устаёт он, не поверишь, больше, чем при старом режиме... Ничего посидели. Там, знаешь, танцы, называется «эротическое шоу». Ну умрёшь! Тёлки такие, дикие, ни ступить, ни повернуться. Нас с тобой туда — мы бы им сто очков вперёд дали! Особенно ты, я-то распустилась, поплыла. Ты какую диету держишь?

— Голодную, — машинально ответила Зоя. Что-то в тре-

скотне Машки её зацепило, но сосредоточиться на этом, додумать до конца она никак не могла.

— А балетмейстером там... представляешь, в этом-то заведении балетмейстер — умора! — Гарик! Ну наш Гарик, который сухожилие порвал на генеральной. Не помнишь, что ли?

Зоя покачала головой. Гарика она помнила. Очаровательный мальчик, тонкий, как травинка, со всеми ладил и уверенно шёл к главным ролям во всех спектаклях. Но на последней репетиции «Спящей красавицы» получил травму — и исчез из балета навсегда. Вот где появился — в ночном клубе!

— Ты бы его не узнала! Я так тоже не врубилась — он сам ко мне подошёл. То-сё, ля-ля тополя. Жаловался, что девок — хоть пруд пруди, а танцевать ни одна не умеет. Он, бедняжка, из сил выбивается, но пока сумел только научить их в канкане синхронно ноги подбрасывать. Мрак, да? А платят этим тёлкам — нашим примадоннам не снилось. Пятьдесят баксов за вечер — не слабо, да? Интересно, сколько бы нам с тобой заплатили, если бы мы там класс показали?

«Интересно» — не то слово. Зоя всячески гнала от себя внезапную безумную идею: пойти в этот ночной клуб, найти Гарика и попросить, чтобы он взял её на работу. Пятьдесят долларов за вечер! Это же две трети того, что она получает сейчас за гастрольный месяц! Даже если продержаться там неделю... Внуку или внучке — уж кто там родится! — хватит на приданое, а там видно будет...

— А где, говоришь, этот ночной клуб? — спросила Зоя у Машки. Та не сразу поняла, о чём речь, потому что давно рассказывала о чём-то другом. Но потом сообразила.

— Да здесь, рядом, в самом конце улицы. Там раньше какая-то контора была. То ли Союзпечать, то ли Госстрах.

Это уже был перст судьбы: клуб находился во дворе Зоиного дома...

На следующий день, ближе к вечеру, Зоя отправилась в «вертеп», как называли клуб жители их дома, и спросила балетмейстера. Ей бы пришлось долго втолковывать охранникам, кого она имеет в виду, поскольку фамилия Гарика из её памяти испарилась. Но тут он сам вышел покурить и, как ни странно, сразу узнал Зою.

— Бабуся! — радостно завопил Гарик. — А ты что здесь делаешь?

Зоя вздрогнула, услышав такое обращение, но потом вспомнила, что так Гарик обращался ко всем девушкам и женщинам моложе 30 лет. Всех остальных он, как правило, называл «барышнями».

— Пришла с тобой повидаться, — мило улыбнулась Зоя. — Мы же соседи, я в этом доме живу. Машка сказала, что ты теперь здесь работаешь, — помнишь Машку? — вот и решила зайти.

— Правильно решила, — Гарик взял её под руку и повёл внутрь. — Хоть с кем-то по-человечески пообщаюсь из старых друзей. А то если кого здесь и вижу, так только за столиками. Крутые — с ума сойти! Как яйца. А ты прекрасно выглядишь, бабуся. Твои тридцать пять тебе нипочём не дашь.

Зоя не стала напоминать, что старше Гарика лет на восемь. Раз он считает её своей ровесницей — тем лучше. Точнее, проще.

— Как тебе твоя работа? — спросила она Гарика.

Тот, усадив её в огромное мягкое кресло «для посетителей», готовил кофе и какую-то нехитрую закуску.

— Работа! — саркастически хмыкнул Гарик. — Ты называешь это работой? Я не балетмейстер, бабуся, я — дрессировщик в цирке. Видела, небось, как там лошади вальс танцуют? Ну вот и я тем же занимаюсь: учу кобыл задирать ноги. У цирковых лошадей получается лучше. Ну это всё мои проблемы, расскажи лучше о себе.

И Зоя рассказала. Ничего не преувеличивая и не преуменьшая, так, как это было на самом деле. Балетные, как и цирковые, — особая каста, и, если нет соперничества, — помощь гарантирована.

В тот день они беседовали несколько часов. Первоначально Гарик был настроен скептически, но потом загорелся идеей, оживился, стал предлагать свои варианты. А три дня спустя Зоя пришла к назначенному часу, чтобы встретиться с хозяином клуба. Он один решал «кадровые вопросы», особенно в части эстрадной программы.

— Он немножечко хам, бабуся, — предупредил её Гарик, — но ты постарайся не обращать внимания. Если мы убедим его в кассовости и исключительности твоего номера, всё будет прекрасно. Вкуса у него маловато, но профессионалку от своих дурищ он отличить сможет. Так что не тушуйся, делай всё, как мы договорились.

Хозяин действительно оказался «немножечко хамом».

— Ты кого привёл? — спросил он Гарика, даже не считая нужным понизить голос. — Ей же лет тридцать! А вид такой, будто только что с профсоюзного собрания. У меня варьете, кабак, а не филиал Большого театра.

— Тридцать лет для профессиональной балерины — не возраст, — негромко возразил Гарик. — А я вам предлагаю не очередную шлюху, которая будет вертеть задом и задирать ноги, а настоящий номер с высокой эротикой. Такого в Москве ещё нет и не скоро будет. А внешность... Вы просто никогда балерин без грима вблизи не видели. Сейчас Зоя переоденется, и вы посмотрите.

— Учти только, что я ничего не обещаю. Сначала посмотрю...

Гарик пожал плечами:

— А я разве просил вас о чём-то другом? Вы — человек дела, сразу увидите, что вам подходит, а что — нет.

Когда Зоя вернулась в зал уже в костюме, гриме и парике, на лице хозяина появилось некоторое любопытство.

— Ты смотри, — громко прокомментировал он, — совсем другая баба. Только одежды многовато.

— Не торопитесь, шеф, — загадочно улыбнулся Гарик. — Так всё и задумано по сюжету.

Гарик был прав: такого в Москве ещё не было. «Кармен-сюита», точнее, десятиминутный отрывок из неё, с ярко выраженным эротическим уклоном. Зоя выходила в полном испанском костюме, а по ходу действия сбрасывала одну принадлежность за другой, пока не оставалась в тончайшем чёрном трико. Дойдя до этого места, она остановилась.

— А вот отсюда нужно работать с освещением, — пояснил Гарик шефу. — Свет должен погаснуть в ту самую секунду, когда упадёт трико. И за пять секунд наша Кармен исчезает.

— Ну что ж, попробуем, — согласился явно заинтересованный шеф. — Поработайте со светом, придумайте оформление. Окончательно я решу, когда увижу готовый номер. Включи в программу через неделю. Если зрителям понравится, посажу твою красотку на недельный контракт.

«И ничего такого, — убеждала себя Зоя на репетициях и дома. — Просто нужно быстренько исчезнуть со сцены, когда погаснет свет. Никто не узнает. Чёрный парик, грим, накладные ресницы... А можно надеть чёрную полумаску, так ещё интереснее получится. Ничего стыдного, в балете всегда ноги открыты по самое «здрасьте», и спина голая, и декольте... Псевдоним нужно взять позагадочнее. Что-нибудь итальянское. Ничего особенного, просто такая роль. А Лялька вот-вот родит... Ничего, бабуся, вытянешь...»

Гарик всё рассчитал правильно. На фоне откровенно дилетантского и щедро обнажённого шоу номер Зои смотрелся как бриллиант среди стекляшек. Тишина в зале во время его исполнения была полная, а когда трико соскользнуло с танцовщицы, все единодушно ахнули — от неожиданности и эффектности зрелища. И осветители не подвели, погасили свет секунда в секунду. И чёрный плащ, в который мгновенно закуталась Зоя, оказался под рукой. Всё получилось!

Под руководством многомудрого Гарика она подписала контракт из нескольких пунктов на неделю. Потом — из гораздо большего числа пунктов — на месяц. И, наконец, несколько страниц соглашения на полгода. В число обязательств Зои входило ежевечернее исполнение двух номеров: дежурного и «на бис», абсолютный отказ от контактов с кем-либо из посетителей, обязательная чёрная полумаска всё время пребывания в помещении клуба.

Диана Дин — на таком псевдониме она остановилась — постепенно становилась «гвоздём программы», публика шла именно на её номер. А она благодарила Бога за то, что в клубе не требовали паспорта и ценили профессионализм, а не связи. Красоток с этими самыми связями — в прямом и переносном смысле — в клубном варьете хватало и без Зои, причём на любой вкус. Девушки менялись чуть ли не еженедельно: кто-то увольнялся, не вынося, в общем-то,

напряжённой работы, кто-то находил себе более выгодное место, кто-то — выгодного любовника. Несколько месяцев спустя Зоя уже была чуть ли не старожилом, а её обособленность, молчаливость и загадочность исключали возможность злых сплетен.

Персонал же — осветители, официанты, гримёрши и костюмерши — с лёгкой руки Гарика звал Зою за глаза Бабусей. Даже если она это слышала, то не обижалась. Это уже было правдой, уже принесли из роддома внука Серёженьку, она уже купила ему и шикарную коляску, и белую лакированную кроватку, и массу всяких милых пустячков, необходимых новорождённому.

Серёженька был её отдыхом и счастьем, но нянчила его в основном прабабушка — Зоина мама. Молодые родители всё чаще удирали по своим делам, а бабушка Зоя возвращалась с работы под утро и спала часов до двенадцати. И единственное, чем занималась по хозяйству, это покупкой продуктов, потому что дай молодым волю — они все деньги моментально по ветру пустят.

А так снова появились сбережения. За каждый вечер платили сотню долларов — по её понятиям всё ещё огромные деньги. Если бы она выходила в зал к посетителям, могло бы быть и больше... в первое время. Но вблизи невозможно скрыть неизбежные приметы возраста, совершенно незаметные на сцене. Зоя предпочитала сохранять дистанцию и не нарушать условий контракта, хотя пару раз ей предлагали и тысячу, и больше за вечер вне клуба, «в приятной компании». Не нужны были ей компании, не интересовали авантюры. Она была одержима одной идеей: купить двухкомнатную квартиру, сдавать её и жить на арендную плату. Тогда можно будет не волноваться за будущее.

Банкам, фондам, компаниям она не доверяла инстинктивно. Деньги держала в одном ей известном тайнике и испытывала почти чувственное наслаждение от увеличения суммы. По-прежнему её увлечения ограничивались чрезвычайно узкими рамками: работа, деньги, которые за неё платили, поддержание хорошей формы и — Серёженька. Именно в такой последовательности, не иначе.

Конечно, стриптиз — не балет. Но что же делать, если времена так быстро и так необратимо меняются? Оставалось одно: надеяться только на себя и использовать все средства, чтобы не просто выжить, а ещё и отложить что-то про чёрный день.

Стыдно, конечно, после сорока лет становиться «стрип-гёрл». Но ведь народная мудрость гласит: «Без стыда лица не износить». В конце концов, ничуть не более стыдно, чем просить милостыню или торговать сигаретами в метро. Если находятся богатые идиоты, которым не жаль денег для того, чтобы посмотреть, как выглядит раздетая женщина... что ж, тем лучше для женщины.

Лет пять Зоя ещё рассчитывает протянуть — в лучшем случае. А потом шеф, конечно, не откажется устроить её куда-нибудь балетмейстером — верный кусок хлеба ещё на несколько лет. А там видно будет.

Кто сейчас рискнёт составлять хотя бы пятилетние планы?

...Зоя бежит по набережной Москвы-реки и думает о том, что ещё один день начинается без сюрпризов. И слава Богу! Ещё один день, выигранный у Судьбы. Обычный день в её такой теперь необычной жизни.

Татьяна Гуркова

г. Моршанск, Тамбовская область

«ДОРОГИЕ МОИ СТАРИКИ!»

Именно таким, по-домашнему тёплым и сердечным обращением начинает своё письмо к медикам Моршанска, датированное 1944 годом, заслуженный деятель науки, профессор Николай Александрович Семашко.

Здесь, думаю, нужно сделать небольшое отступление и напомнить, кто такой Семашко и почему меня так удивило его письмо. Выдающийся организатор здравоохранения, первый нарком здравоохранения РСФСР, профессор, академик АМН СССР и АПН СССР, Николай Александрович Семашко родился в 1874 году в Орловской губернии в семье учителя, его мать была сестрой известного философа и марксиста Г. В. Плеханова. Учась на медицинском факультете университета, Николай Семашко участвовал в деятельности марксистских кружков и нелегальных студенческих организаций и в то же время постоянно учился у самых знаменитых профессоров и медиков того времени.

По окончании университета выпускник Семашко получил звание «лекаря с отличием». Работал земским врачом в нескольких губерниях России. В 1917 году после Октябрьской революции Н. А. Семашко заведовал медико-санитарным отделением Моссовета, а в июле 1918 года он был назначен на пост первого народного комиссара здравоохранения РСФСР и до 1930 года занимал эту должность.

В 1921 году Николай Александрович, став профессором медицинского факультета 1-го МГУ (с 1930 года — 1-го ММИ), инициировал создание кафедры социальной гигиены (организации здравоохранения), которой заведовал на протяжении двадцати восьми лет.

В 1923 году Семашко организовал Высший Совет по делам физической культуры и спорта и стал первым его руководителем. Спустя четыре года Н. А. Семашко первым поднял

вопрос о централизации научной работы в сфере питания, благодаря чему в 1930 году был создан Государственный центральный институт общественного питания (Институт питания АМН СССР (1944), ФГБУН «ФИЦ питания, биотехнологии и безопасности пищи» (2016)).

Во время Великой Отечественной войны профессор Семашко начал собирать материалы по деятельности медицинских вузов в тяжелейший военный период, а после победы провёл масштабное исследование санитарных последствий войны. Академия медицинских наук СССР в 1944 году была создана при участии Николая Александровича Семашко.

Казалось бы, что общего у профессора Семашко, известного деятеля науки, с пожилыми докторами маленького провинциального городка? Возраст? Образование? Жизненное кредо? И да, и нет. Обращением «Дорогие мои старики» Николай Александрович начинает ответное письмо, в котором с теплом благодарит медиков «старой школы», начинавших свою деятельность ещё до революции или на заре советской власти и продолжающих работать в больницах и госпиталях во время Великой Отечественной войны. С чего же завязалась такая переписка? Всё довольно просто, но для меня не совсем привычно.

Старейшие врачи города Моршанска отправили коллективное поздравление профессору Семашко с высокой государственной наградой. Черновик письма передали в редакцию газеты «Коммунист», где он хранился до 1971 года, после чего был доверен на хранение Моршанскому музею (тогда краеведческому, ныне историко-художественному). Оригинал ответа медицинского светила медикам райцентра хранился в личном архиве доктора Зимина, непосредственного участника событий, старейшего врача города, он же и передал его в дар музею.

Вот первое из писем.

«Дорогой Николай Александрович!

Мы, врачи Вашего возраста, в день Вашего 70-летия и награждения Вас орденом Ленина не можем не присоединить

своё поздравление к Указу Президиума Верховного Совета СССР от 10/IX-1944 г.

От души приветствуем Вас со днём 70-летия и правительственной наградой, желаем Вам здоровья и сил поработать ещё на славу нашей Родины. В то время, когда Вы закладывали новые принципы здравоохранения, организовывали отдел наркомздрава, мы на местах были проводниками этих принципов. Так, в г. Моршанске при нашем непосредственном участии были созданы органы здравоохранения, открылась поликлиника Вашего имени.

В 1924 году расширилась больница, открылась лаборатория, вендиспансер, тубдиспансер, детская профилактическая амбулатория (теперь детская поликлиника), детская, женская консультации, молочная кухня, рентгеновский кабинет, электро-свето-активный кабинет, пункт переливания крови, онкологический кабинет, здравпункты, пастеровский пункт, зубопротезный кабинет, фельдшерско-акушерская школа, выпустившая не одну сотню молодых квалифицированных работников ср. мед. образования. Кроме того, мы принимали участие в организации медпунктов на селе, родильных изб, коллективизации...

Немолодые, на смену идут молодые врачи. Всё же мы на склоне своей жизни в меру своих сил будем трудиться в органах здравоохранения, углубляя и расширяя наше любимое дело».

К сожалению, не все подписи читаемы. Черновик письма набросан на бумаге низкого качества, что неудивительно, ведь шла война. Некоторые из подписей мне удалось расшифровать, о некоторых пришлось догадываться по смыслу и воспоминаниям старожилов и музейным документам того периода, часть письма, на которую, возможно, попала нечаянная влага, или просто истлела бумага, осталась загадкой, нечитаемой пока.

Итак, авторы письма.

Врач Пётр Николаевич Зимин, 1873 г.р. (бывший старейший врач Моршанской больницы и поликлиники, ныне

(в 1944 г. — **прим. Т. Гурковой**) преподаватель хирургии в Моршанской фельдшерско-акушерской школе).

Бывший врач поликлиники в Моршанске имени Н. А. Семашко Л. Адливанкин.

Врач-отоларинголог Москвичёв.

Врач И. Свирцев.

М. — п. М. ж.д. врач Е. Сендак

Врач И. Попов (терапевт отд. горбольницы).

Врач Буянов (основатель вендиспансера).

Врач Николай Николаевич Зимин (детполиклиника).

Врач Кашкова (хирург детполиклиники).

Врач М. Свинцова (врач акушер-гинеколог, преподаватель фельдшерско-акушерской школы).

1944/10-IX

Заслуженный деятель науки Н. А. Семашко на официальном бланке, но от руки пишет в Моршанск.

«Г. Москва 18 октября 1944 года

Дорогие мои старики! Я надеюсь, вы не обидитесь на меня за такое обращение! Стариком быть можно, инвалидом хуже. А вы все, как вижу по подписям, работаете. Это очень и очень почётно и хорошо. Эти дни я пережил много хороших минут, получил многочисленные приветствия от многих, многих товарищей, в том числе от моих учеников.

Но особенно радостно было мне получить письмо от вас, старых боевых товарищей. Вспомнилось, как мы работали, и что мы наработали. В небольшом городке Моршанске вы создали наркомздрав в миниатюре, есть что вспомнить, есть чему порадоваться.

Мы с вами хоть и старики, но работаем много. Я лично и в молодости так не работал. Да и как не работать в такую пору, которую нам удалось увидеть.

Крепко жму ваши сильные ещё руки. От всего сердца желаю вам сил, здоровья, долголетия, а главное — трудоспособности.

Ваш Н. Семашко».

Эти два небольших по объёму, но огромных по значимости письма вмещают в себя многое: и человеческое благородство, и невероятную трудоспособность, и преданность выбранному жизненному пути, и благодарность, и отзывчивость. Некоторые из фамилий моршанских медиков часто встречались мне в рассказах студентов фельдшерско-акушерской школы или благодарных пациентов того времени. Это братья Зимины, скромные, но невероятно опытные доктора, которых обожали ученики и пациенты, это ударник медсантруда, несгибаемая Мария Свинцова, они с мужем работали в поликлинике, больнице и преподавали в фельдшерско-акушерской школе. А вот где располагалась поликлиника им. Семашко, в которой работал известный врач Леонид Адливанкин, выяснить не удалось, да и не в этом дело. Просто удивительно, как запросто и человечно ответил учёный и руководитель такого высокого ранга рядовым медикам. На моей памяти много писем из родной провинции отправлялось в столицу, и ни разу отправители не получали такого сердечного ответа. Приятно, что в истории моего городка существует такая переписка и время выбрало нас её хранителями.

Александр Деловеров

г. Санкт-Петербург

PIANISSIMO

Для простого человека нужен банк и ипотека... А какая не чуждая романтики душа не мечтает жить в центре Петербурга? Чего стоит один только Невский, который, кажется, дышит гулянием круглосуточно и круглогодично.

Впрочем, она больше любила тихие старые улицы. Если поднять глаза вверх, открывается совершенно другой, головокружительный, мир карнизов, капителей, барельефов... Чувствуешь себя ребёнком, которому подарили книгу с увлекательными картинками, и тебе хочется разглядывать их долго и жадно, страницу за страницей, радуясь каждой прорисованной волшебным художником детали. Ещё был нижний мир. Не метрополитен (хотя и там были свои чудеса), а пресловутый, но не утративший оттого своей прелести мир рек и каналов: умиротворяющая гладь воды, с негромким плеском ласкающей серую твердь гранита. А ещё одинокие катерки на чале, которые преданно ждут своих капитанов, мерно покачивая потёртыми бортами.

Занимая в срединном мире место скромного клерка, даже с кредитом, Ирина, конечно, не могла себе позволить какие-нибудь двухэтажные палаты, скажем, на Итальянской. Но приобретённая в собственность комната в весьма приличной для старого фонда коммуналке в десяти минутах ходьбы сразу от двух станций метро — разве не удача для обычного, среднестатистического петербуржца?

Самым потрясающим в этой квартире был, конечно, отдельный вход, точнее, целое крыльцо, фактически собственная парадная. Удивительно, что ещё не нашлось охотника, который выкупил бы эти квадратные метры под частную гостиницу, — возрождение традиции доходных домов как раз было на пике моды.

Чтобы попасть внутрь квартиры, нужно было преодолеть несколько побитых бетонных ступеней с корявыми желез-

ными перилами и миновать короткий тамбур. За железной кустарной дверью «а ля мой гараж» взору представала довольно просторная прихожая: здесь обрели приют пара настенных вешалок для пальто, видавший виды винтажный шкаф с полусломанной дверцей и, наконец, засаленная фанерная тумбочка, хранившая обувные щётки и ваксы наряду с банками гвоздей и тому подобных предметов не слишком замысловатого хозяйства местных обитателей. На стене над тумбочкой висело мутноватое зеркало. Было ли оно когда-то частью шкафа или некоего допотопного вагона, но скромная жестяная табличка «ЗАПАСНОЙ ВЫХОД» вверху и отверстие замочной скважины интриговали, будто приглашая посвящённого в царство Зазеркалья.

Коридор от прихожей отделяли две створки массивных дверей, покрытых толстым слоем белой эмали, которая успела приобрести благородный оттенок слоновой кости. Как ни странно, это пространство не было заставлено всевозможными шкафами с антресолями, как водится в бывших советских коммуналках. Правда, в углу размещался старенький буфет, время от времени использовавшийся в качестве верстака, о чём говорили прикрученные с краю небольшие тисы.

А коридор на этом не кончался: он сворачивал под прямым углом влево, сужался и тянулся длинным рукавом в завидной перспективе, подсвеченный старыми люминесцентными трубками. Слева четыре двери вели в жилые комнаты, а справа, будто в случайном порядке, по стене лепились лючки ревизии дымохода. В самом конце располагались главные места общего пользования: тесная кабинка туалета с поднятым на целую ступень полом, отгороженная крашеной фанерой ванная комната и скромная кухонька с газовой плитой и эмалированной мойкой. За дверью между мойкой и плитой прятался импровизированный шкаф. Когда-то, видимо, это был вход с чёрной лестницы, но потом за ненадобностью его заложили кирпичом, а оставшаяся от проёма ниша обросла полками и стала чем-то вроде кладовой: рядом с пачкой макарон и коробкой спичек Ирина заметила початую бутылку вина.

Жильцов в квартире было немного — ещё одна удача. В первой комнате жил молодой парень, с которым она виделась мельком и не успела толком познакомиться. Не то врач, не то санитар скорой помощи, он денно и нощно пропадал на работе. Вторую комнату благополучно приобрела Ирина. Последние две принадлежали колоритному рослому пенсионеру, бывшему балтийскому мореходу. «Карл Иванович Нют», — с лёгким учтивым поклоном представился он ей при первой встрече в коридоре.

Кажется, старик искренне радовался появлению в доме новой молодой соседки. Всегда ласково с ней здоровался, спрашивал, как дела, и вообще был не прочь перекинуться с барышней словечком-другим (так она мимоходом узнала о его морском прошлом). И всякий раз он с любезной настойчивостью приглашал её на чай, от которого Ирина очень вежливо отказывалась, ссылаясь на хлопоты по устройству быта на новом месте. Тогда Карл Иваныч с лёгкой укоризной качал головой и шёл на кухню в одиночестве, мурлыкая свои матросские песенки.

В целом это был милейший человек, если не брать во внимание его привычку курить в коридоре и гасить сигарету в подвернувшийся под руку лючок дымохода. Поначалу Ирина только догадывалась об этой его слабости, отмечая время от времени не успевший развеяться табачный шлейф. Но вскоре она застала его за этим занятием.

Пенсионер расплылся в улыбке и, медленно выпустив изо рта облачко дыма, невинно произнёс: «Ничего, что я курю?» Ирина тогда пожурила его, сказав, что это ужасно и, если он не будет выходить курить на улицу, она станет дразнить его... Цыплёнком Табака. Пожалуй, рискованно открыто давать такое прозвище пожилому человеку, но она искренне рассчитывала, что чувство юмора и дружеское расположение к ней седого балтийца перевесит возможность обиды. И оказалась права: бывший моряк взглянул на неё сначала удивлённо, как бы оценивая серьёзность угрозы, затем хихикнул: «Цыплёнок! Хорошо, хоть не Папа Карло!» С этими словами аккуратно придавил хабарик, прикрыл лючок и прибавил: «Кстати, дымоход ещё отлично тянет. Жаль, камин

разобрали...» Едва ли он бросил с тех пор курить, но с сигаретой на глаза ей больше не попадался.

Как-то Ирина спросила его, отчего он не сдаёт одну из своих комнат, на что старый мореход сделал неопределённый жест рукой и тихонько удалился на кухню. Видимо, тут была какая-то личная тайна, которую она, Ирина, быть может, узнает однажды, если согласится выпить с Карлом Иванычем чаю.

Прежде чем окончательно переехать в центр из дремучего «спальника» Пискарёвки, где она жила с родителями, в первую очередь ей предстояло разобраться с оставленными продавцом комнаты «экспонатами». Инсталляция здесь была довольно занимательной.

Источником света в комнате служила оригинальная советская люстра — три лампы в добротных фарфоровых патронах, прикрытые запылённым стеклянным диском с колючим звездообразным узором, — ни дать ни взять щит Капитана Америки.

В правом углу комнаты скромно притулился тёмно-коричневый секретер, какие были популярны в отечественных квартирах 70 — 80-х годов. Этот свидетель «эпохи застоя» был в неплохой форме: корпус не расшатан, всё на месте, лакированная поверхность пострадала разве что от никчёмных полустёршихся от времени наклеек.

На полке секретера бодро тикали почти новые кварцевые часы-будильник (Made in China). Тут же стояла коллекция смешных пузатых керамических пивных кружек. Рядом раскинулась горстка магнитиков, какими обычно обрастают, словно ракушками, двери холодильников: старые русские города, реклама пельменей... Две изящные гимнастические булавы («Ц. 3 Р. 60 К. ЗА ПАРУ») и подборка советских пособий по художественной гимнастике свидетельствовали, что один из некогда живших здесь был профессиональным спортсменом. Точнее, спортсменкой.

Правее от секретера на стене висела явно немало повидавшая на своём веку гитара. Без сомнений, она принадлежала отнюдь не гибкой гимнастке: в деку без особых церемоний вставлены звукосниматель и гнездо для кабеля, струны

держал грубо обточенный чёрный металлический треугольник. С такой «подругой» впору под аккорды гнусавить в подземном переходе, собирая в коробку мелочь от прохожих.

Но самым интригующим объектом было, конечно, старое пианино. Продавец комнаты что-то обронил о нём, мол, ещё послужит, если хорошо настроить, это же... До боли знакомое название напрочь выпало из памяти Ирины, зато на ум приходила созвучная марка популярного немецкого ликёра.

Пара характерных следов на потёртом чёрном лаке говорила, что когда-то на пианино красовались настоящие канделябры. Потрескавшиеся, местами вовсе отломившиеся пластинки пожелтевших клавиш напоминали костяшки старого скелета. Заглянув под верхнюю крышку, на металлической раме можно было прочитать похожие на год цифры: «1907». И ничего больше — ни таблички, ни клейма мастера, словно тот нарочно хотел оставить своё имя неизвестным.

Ирина пробовала что-нибудь сыграть. Хмельной тапёр в дешёвом синематографе играет на раздолбанном фортепиано — так ужасно это звучало вопреки правильно воспроизведённым ей нотам. Чертовски удручающе. Однако идея дать инструменту новую жизнь крепко захватила её.

Ирине было лет девять или десять, когда родители всё-таки решили записать своё чадо в музыкальную школу по классу фортепиано. Преподавателем оказалась сухая подтянутая седовласая петербурженка. Кажется, её звали Анна Владимировна, или А. В., как школьники коротко именовали её между собой. А. В. придерживалась строгих принципов обучения и столь же строгой дисциплины. Малейшее опоздание на урок воспринималось Анной Владимировной как личное оскорбление, а всякая попытка жаловаться на сложность упражнения — как признак преступного лентяйства. Похоже, она полагала, что если ученик не занимается на износ, то он вообще напрасно тратит своё и её время.

Музыка была для А. В. настоящей религией. Робкой Ире, если папа или мама приводили её пораньше, доводилось наблюдать, как та репетирует со своими старшими воспитанницами перед очередным показательным концертом.

Зрелище было завораживающее и жуткое одновременно. Сидя на стуле поодаль от ученицы за пианино, Анна Владимировна сосредоточенно вслушивалась в игру, слегка раскачиваясь в такт мелодии. Казалось, А. В. пропускала звуки сквозь себя, как ток, от ушных раковин до самых кончиков пальцев на ногах. А если в исполнении что-то отклонялось от идеала, давала поправку быстро и жёстко: «Нет, заново с этого места!», «Быстрее!», «Акцент!», «Форте!»

Говорили, что А. В. воспитала не одного виртуозного пианиста. Очень возможно. Однако в Ирине она не чувствовала достаточной самоотдачи, а девочка не была настолько честолюбива, чтобы доказывать обратное, и оставила музыкалку незадолго до первых экзаменов. Родители не стали неволить дочь, рассудив, что общее образование важнее музыкального, но всё же записали её на курс синтезатора в районном Доме детского творчества. На всякий случай.

По рекомендациям знакомых Ирина нашла настройщика. Правда, сам он заявил о себе как о специалисте широкого профиля. Это оказался довольно молодой представительного вида мужчина по имени Вадим. «Какая история у инструмента?» — озадачил он хозяйку, едва переступив порог комнаты. Если бы она знала!

Не получив вразумительного ответа, Вадим снял пальто, достал из своего портфеля карманный фонарик и приступил к осмотру.

Вскоре он сообщил тоном эксперта, что, очевидно, инструмент очень старый и пережил блокаду, так что удивительно, что вообще сохранился до наших дней. Что в целом характер сборки выдаёт руку немецкого мастера, и что возраст пианино около ста лет, однако это не придаёт ему ценности, поскольку такие инструменты «в принципе столько не живут».

С другой стороны, реанимировать пианино ещё возможно, и тогда в домашних условиях можно будет не только сносно играть, но даже получать удовольствие от звука, поскольку старые немецкие инструменты «довольно неплохо качают». А так — перетянуть струны, заменить пару молоточков и войлок модератора, приклеить на клавиши новые костяные

пластинки... Всё это он, Вадим, может сделать, материалы у него есть, и вся работа обойдётся тысяч в двадцать. Если желаете более глубокую реставрацию, то цена возрастёт примерно до пятидесяти тысяч рублей.

Ирина слушала и задумчиво кивала специалисту, прикидывая, может ли она себе позволить хотя бы первый вариант. Тем временем Вадим решил напоследок заглянуть поглубже с тыла пианино, пошарил там рукой, что-то задел или потянул, как вдруг это что-то сорвалось с неприятным железным хрустом, вызвав тревожное эхо струн.

Тут Вадим выпрямился, и на лице его мелькнула растерянность. Вздохнув, он сомкнул кисти рук и уже не так бодро, но стараясь сохранить профессиональное достоинство, объявил, что, вообще-то, есть проблема с чугунной рамой и требуется специальная сварка, а за это нынче едва ли кто возьмётся.

С этими словами эксперт надел пальто и удалился со своим портфелем, передав эстафету замешательства Ирине.

Надежда вернуть старенькое пианино к более-менее достойной жизни рухнула. Серьёзный ремонт инструмента обойдётся не дёшево, а это уже неприемлемо. Просто выбросить пианино на свалку было жалко и обидно. Самым разумным казалось попытаться продать эту старину, пускай даже за символическую плату.

В первую очередь Ирина попробовала поискать скупщиков старых пианино в интернете. Во всём городе нашлась всего пара-тройка мастерских (во всяком случае, имеющих свой сайт), да и те, судя по текстам, были весьма разборчивы в этом вопросе. Наудачу она написала всем на мейл, приложив фотографии «блокадника». Спустя неделю ожидания одна из мастерских всё-таки ответила: «Извините, не интересует».

Ирина не сдавалась, разместила объявление на интернет-площадках, попутно предложив на самовывоз ненужный ей секретер. Последний вскоре охотно забрали в качестве стеллажа для цветочной лавки. Зато «винтажное немецкое пианино» не вызвало интереса ни у кого — ни за деньги, ни даром, ни как музыкальный инструмент, ни как просто

предмет мебели. Ещё бы, на том же «Авито» одних только «Красных Октябрей» был выставлен не один десяток, куда там до столетней немецкой развалюхи.

И вдруг — звонок! Мужчина, просто представившийся Толиком, сообщил, что готов забрать инструмент на запчасти. Ура! Значит, будет кому-то польза!

Толик явился в разгаре субботнего дня с двумя помощниками. Уже с порога коммуналки он деловито окинул взглядом помещение с вопросом: «А есть ещё металл?» Ирина машинально ответила, что нет, хотя не очень поняла, о чём речь. А Толик со товарищи уже прошли в комнату и без лишних церемоний приступили к разборке пианино. Один приподнял, второй ловко выдернул, третий придержал — и вот инструмент уже оказался разъятым на две части: клавиатуру положили на пол, а резонатор со струнами вынесли во двор. Один из помощников Толика вернулся в комнату, однако не затем, чтобы забрать остальное. Он лишь спросил, далеко ли здесь мусорный контейнер — выбросить доски.

Когда до Ирины наконец дошёл смысл происходящего, она в отчаянии рванулась во двор. Коридор казался бесконечным.

Поздно. Несколькими уверенными ударами молотка резонатор был раскроен в несколько секунд. Мучительные обертоны струнного хора раскатились по двору и, отразившись от равнодушных стен, растаяли в воздухе навсегда.

— Клавиатуру оставим, инструментов нет разобрать, — заметив Ирину, серьёзно сообщил Толик, предвосхищая вероятный вопрос хозяйки.

Она ушла с крыльца, не сказав ни слова. В оцепенении вернулась в свою комнату, чувствуя себя подлым предателем. Сердце сжималось, словно над ней нависала невидимая А. В. и с ноткой безнадёжности в голосе, но по-прежнему жёстко и требовательно твердила: «Форте! Форте!» Однако в комнате было пронзительно тихо, и только китайский будильник метрономом отстукивал своё «тик-так».

Ирина села на пол рядом с немой клавиатурой, дотронулась до её пожелтевших костяшек и вдруг сдавлено зарыдала, горьким шёпотом повторяя, как заклятье:

— Ну что, ну что я могла сделать?!

Натянутая тишина звенела барабанной перепонкой, щит Капитана Америки нависал под потолком ядовитой медузой, плавились клавиши на полу, будильник колол мозг иголками тик-таков... И в этих сумерках сознания, как лучик света, прозвучали чьи-то робкие, но добрые и потому сильные слова:

— Вы не должны себя винить.

Она тихонько повернула голову к двери: там, преодолевая неловкость, как живая иллюстрация к фразе «мяться на пороге», стоял молодой сосед по квартире.

— Знаете, что Чайковский сочинял свои первые партитуры, отрабатывая их на клавишах, склеенных из бумаги? — осторожно спросил он и, поймав блеснувший интерес в мокрых глазах собеседницы, продолжил тоном знатока:

— У него тогда не было денег на настоящий инструмент. А мы знаем его как великого композитора. Правда, потрясающе?

Ирина кивнула, непроизвольно всхлипнув, и совсем развернулась в его сторону, затем нахмурилась и решительно вытерла слёзы.

— Вы меня «клеите»? — спросила она строго, не заметив свой нечаянный каламбур. — Или просто умничаете?

— Всё возможно.

Парень снова посмотрел ей в глаза и вдруг улыбнулся, словно удивился как дерзости, так и неоднозначности собственного ответа.

— Я Александр, а вы Ирина, я знаю, — продолжал он уже веселее, переступая порог. — Знаете, там Карл Иваныч отчаянно зовёт всех на чай с печеньем. Идёмте на кухню. ...Погоняем чайковского!

И протянул ей навстречу сухую тёплую ладонь.

— Вспомнила! — поднявшись с пола, вдруг хрипло выпалила Ирина и отпустила руку Александра.

— Что вспомнили? — удивился молодой человек, с подозрением взглянув на свою пятерню.

— Герман Майр! Имя... в смысле, пианино так называлось: «Герман Майр».

Она сказала это, и словно гора с плеч свалилась. Стало так светло и спокойно, словно дух фортепианного мастера, услышав своё имя, улыбнулся ей откуда-то с небес.

— А, вы об этом, — обрадовался Александр, заметив спад трагического напряжения, и с готовностью подхватил:

— Был такой персонаж в дореволюционном Петербурге. Организовал столярную мастерскую на Петроградской, а продавал свои рояли на Невском, напротив Гостинки... Там, кажется, чебуречная сейчас... неплохая...

— Вы и это знаете? — нарочито сурово спросила Ирина, едва сдерживая улыбку, и добавила:

— В горле пересохло. Пойдёмте уже чай пить.

— Кстати, есть мнение, что пианино у Майра были так себе, — продолжил Александр уже в коридоре. — Зато цена была доступная. ...Ой, простите за бестактность!

— Глупости, всё глупости, — рассеянно отвечала Ирина, наблюдая, как подобно солнцу из-за горы навстречу им из кухни выкатывалась сияющая счастьем физиономия Карла Иваныча.

Александр Дубровин

г. Гусь-Хрустальный, Владимирская область

НОША

Организация была некрупная, что типично для среднего бизнеса. В коллективе, что начинался с учредителя-директора и заканчивался уборщицей тётей Дашей, работал кладовщиком Овечкин Владимир Петрович. По давней, неизвестно откуда взявшейся, привычке все называли его Вальдэмаром.

Высокий, элегантный, всегда в модных ботинках, при ходьбе он, как застоявшийся скакун, выкидывал ноги вперёд, что однажды подметила тётя Даша и прозвала его Конём. Помогал ему на складе двадцатилетний Алексей, который многому научился, и, если Вальдэмар день-другой не появлялся на работе, Алёшка справлялся один. В разговорах с коллегами Вальдэмар, беззаботно улыбаясь, частенько объявлял:

— Я могу и на расчёт написать — меня везде зовут. Будет и работы меньше, и денег больше.

Сослуживцы привычно с ним соглашались. Не ладились у Вальдэмара отношения с тётей Дашей. Иногда она, опираясь рукой на швабру, а другой держась за спину, просила его отодвинуть ящик от стены в коридоре, где она протирала пол. Вальдэмар, не реагируя на слёзные просьбы, выбрасывая ноги, удалялся в противоположном направлении. При случае она жаловалась директору, и тот, встречаясь с Вальдэмаром в коридоре, разводил руками:

— Что же это у вас, Владимир Петрович, с тётей Дашей разногласия?

— Андреич, — решительно оправдывался Вальдэмар, — ящик она подвинуть не может? Из магазина сумки прёт, и хоть бы что!

Руководитель вздыхал тяжелее обычного и скрывался в кабинете.

Как-то по окончании рабочего дня кладовщики дождались директора у выхода из офиса.

— Андреич, — вкрадчиво попросил Вальдэмар, — вы проехали бы немного за уборщицей нашей. Ей зять на работу сумки с продуктами занёс. Она живёт недалеко. За перекрёстком дом.

— Мне заняться больше нечем? — держа в руках папку с документами, руководитель пожал плечами. — Ну ладно, поедем. Тогда давайте и вы в машину, — пригласил он.

Алёшка уселся с шофёром, а Вальдэмар с директором на заднем сиденье. Тётя Даша с сумками в обеих руках, пригибаясь под их тяжестью, направлялась по тротуару к перекрёстку. Летний ветерок раздувал на ней одежду и, казалось, изо всех своих порывистых сил мешал ей идти.

Машина тронулась следом.

— Нет, — тыкал пальцами в автомобильное стекло Вальдэмар, — своя ноша не тянет. Ей ещё столько нагрузи, и попрёт, а на работе ящик не подвинет.

Опуская сумки на асфальт и выпрямляясь, тётя Даша держалась за спину и вновь, схватив поклажу, семенила дальше. Оглядываясь по сторонам, она пересекла дорогу.

— Помогу я, — посочувствовал Алексей и, выскочив из затормозившей машины, припустился за тётей Дашей, которая уже подходила к своей многоэтажке и перед Лёшкиным носом скрылась в подъезде с кодовым замком.

Он вернулся к застывшему на обочине автомобилю. Вальдэмар похлопал его по плечу, распрощался с директором и влился в толпу пешеходов.

— Он ей в сумки с продуктами по гантеле положил — на три с половиной кило каждая, — кивнул Лёшка в сторону уходящего Вальдэмара, — у нас в бытовке валялись.

— Шутник он, — грустно произнёс директор, а водитель хихикнул, но тут же замолчал.

Махнув рукой, Алёшка зашагал от автомобиля, а директор поторопил шофёра и, вглядываясь в пролетающий мимо городской пейзаж, углубился в воспоминания.

Квартира в деревянном бараке на краю посёлка. Небольшая комната и крохотная кухня с вечно не побелённой печкой. Её топили дровами и углём. Ночью в темноте, когда засыпала младшая сестрёнка, Колька с матерью уходили

к железнодорожной станции, к наваленным там угольным кучам, и, набрав два ведра, тащили их к бараку. Отца не было, и не было уверенности и надёжности в бедно обставленном жилье. Уставшая мать — целый день она работала медсестрой в больнице — усаживалась на лавке возле вёдер с углём и, наклонив к сыну не старое, но с морщинками, не обласканное судьбой лицо, тихо произносила:

— Знай, Колька, своя ноша не тянет!

Теперь он — Николай Андреевич. У него дорогая машина и личный водитель. Он подписывает документы, которые характеризуют людей и подтверждают деньги.

...Тётя Даша на работе не появилась. Положили её в больницу с радикулитом и давлением. Вальдэмар навестить больную и, если он сочтёт нужным, как выразился директор, «извиниться», наотрез отказался. Снабженец Ольга Петровна, полная улыбчивая женщина, на поручение руководителя громогласно ответила:

— Мы тётю Дашу поставим на ноги! Фруктов, компотику ей отвезём...

Захватив с собой Алексея и подмигнув шофёру, она водрузилась в кабину служебной «Газели».

Больная приходу посетителей обрадовалась и привстала с койки, прижатой к стене в углу палаты. Но когда Ольга Петровна пожелала ей скорого возвращения на работу, тётя Даша подняла руки к лицу и не своим голосом выкрикнула:

— Пока этот Коняга работает, я не приду, — и, повалившись на койку, она заохала, как убитая горем деревенская баба, — ох, ох!..

Выписали тётю Дашу из больницы. Ольга Петровна заходила к ней на квартиру, и опять, прикрывая руками глаза, она кричала: «Не приду я, пока этот Конь там!»

Вальдэмар в очередной раз три дня не выходил на работу. Добросовестно принёс выписанный ему больничный лист.

— У вас, Владимир Петрович, зубы болели? — приглашая к себе в кабинет, поинтересовался директор.

Вальдэмар, улыбаясь, кивнул и вальяжно устроился за столом напротив руководителя.

— Алексей справляется, — продолжил директор, — на-

кладные в порядке, всё у него получается. А вам, Владимир Петрович, расти надо, прогрессировать, добиваться новых высот.

Начальственный голос зазвучал громче.

— Здесь у нас не ваш уровень. От коллектива слышал, что вы подыскали должность более основательную. Не имею права задерживать. Пишите заявление и распишитесь.

Вальдэмар неуверенно сжал пальцами протянутую ручку и медленно стал водить ею по бумаге.

Он расписался. На привычно снисходительном его лице застыли, казалось, не знакомые ему удивление и растерянность.

Анна Дьяконова

г. Пятигорск, Ставропольский край

* * *

Посвящается моей бабушке,
Евдокии Ивановне Куликовой,
имевшей 11 детей
и ушедшей в мир иной на 98-м году жизни

Немного бабушка родная не дожила до сотни лет,
И в памяти моей всплывает её в поклоне силуэт.

Всегда молилась на коленях и проговаривала вслух.
И словом обращалась к Богу —
Он слышал сердца её стук.

Молилась долго, повторяла всегда родные имена
Детей своих — их было много — дорога б к истине вела.

Просила Бога о здоровье родных внучат и ближних всех.
К нему ушедших вспоминала —
простить просила души тех.

Дыханье затаив, лишь слыша её молитвы каждый раз,
Осознавала: Бог всех выше,
лилось бы слово ввысь от нас.

Малых, всех нас, вела в храм божий,
чтобы окрепла с Богом связь,
И «Отче наш» — молитву Богу —
читали медленно, крестясь.

Лишь фотографии и память
хранят сюжеты прошлых дней.
И корни рода очищались молитвой бабушки моей.

12.07.2016

Владимир Карасов

г. Чита, Забайкальский край

ЧАЙКА ПО ИМЕНИ МАМА

Время от времени человеку нужны одиночество и слёзы. Публичные слёзы всегда лицедейство. Я говорю о тех слезах, которые горько и печально льются под думы и воспоминания об ушедших навсегда, так и не прочувствовавших нашей любви и нашего покаяния. Это те слёзы, которые, как и грехи, мы не хотим выставлять напоказ, потому что глухие наши рыдания некрасивы, пугающи и малопонятны даже самым близким. Это слёзы человека без возраста и пола — слёзы кающейся души.

На шестом десятке сравнительно удачно сложившейся жизни, когда самое большое счастье — маленькие внучкины ручки, обнимающие твою шею, а самое тяжкое — это нарастающее ощущение собственной ненужности, бессилия и постоянные столкновения со своим собственным настырным характером, доставшимся сыну, я вдруг осознал, что среди людей, носящих нашу фамилию, я — самый старый, ощутил подступающее душевное одиночество в мире воспоминаний о прошлом, и что мне нужна, как никогда нужна, моя мама...

Она умерла год назад, в 75-летнем возрасте, от повторного инсульта, на руках у дочери, в далёкой Одессе. Мы не виделись более двенадцати «перестроечных» лет, и даже на похороны я не смог прилететь из своей Восточной Сибири из-за отдалённости и безденежья. Наша Родина — Советский Союз — уже лежала в руинах, где «раздевали» народ вершившие реформы правительства, иностранные инвесторы, криминал, силовики и весь чиновничий сброд. Всякий, кто не хотел воровать и цеплялся за Божьи заповеди, — нуждался. Мама тоже нуждалась. Нет, ей хватало пенсии и той невеликой и нерегулярной помощи, что я ей оказывал. Но рядом

с ней были трое малолетних внуков и дочь с нескладывающейся трудовой и личной жизнью, а в далёкой Западной Сибири — двое малолетних детдомовцев — тоже её внуки, дети лишённого родительских прав «не удавшегося» старшего сына; всё это разрывало её сердце и заставляло отдавать последнее. Мы-то были сравнительно благополучны, а потому всегда виноваты и в долгу. Жестокосердие и скупость, невнимание и отчуждение, гордыня и высокомерие — вот то, в чём упрекала нас мама.

Знаю, родная, что не для себя ты так давила на нас. Ты, как всегда, рвалась помочь самым слабым твоим птенцам. Я ни разу не позволил себе отвечать на твои упрёки, делая вид, что их и не было, но редкие мои письма к тебе были сухими и формальными. Не слов ты ждала от меня...

А мы крутились день и ночь, осваивая свалившуюся на всех нас новую жизнь, новые профессии, изо всех сил стараясь удержаться на плаву. Слава Богу, здоровье позволило вырастить и дать образование и сыну, и дочери. Ты могла бы гордиться ими, но сытые внуки тебя «заботили меньше», и это правильно. Я знаю, что ты нас любила, так же, как и других своих чад, и если бы мы споткнулись на этой трудной дороге, ты первая (и, может быть, единственная) бросилась бы мостить эту дорогу всем своим существом.

В тот год, когда ты не смогла превозмочь давнюю болезнь и умерла, мы уже отупели от непривычных и неожиданных ударов. Воры и подонки в отместку за попытку учинить спрос сожгли нашу дачу за городом; мы строили её всей семьёй 6 лет и гордились этим чудесным домиком в лесу. После этого события мы стали другими людьми. Остатки наивности слетели с нас как шелуха. Через месяц — новый тяжкий удар — от сердечного приступа умер на одиннадцатом году жизни Ярл Маргарет Виллибрук Чирол Чана Поль — Цертус, наш Ярлик или, по-домашнему, Мумлик — ещё одна наша гордость, великолепный ризен, отличник и чемпион, неразлучный наш компаньон и всеобщий любимец. Было невыразимо тяжело. От только что родившей дочери всё скрывали несколько месяцев, пока она не окрепла

и не перестала кормить грудью. В этот же год те же недруги взломали нашу квартиру, пытались поджечь дачу наших друзей, где мы временно обосновались на лето, угрожали расправой, стреляли в окна дачи картечью, пробили выстрелами из карабина крышу, вредили нам, где только могли.

Впервые в жизни мы познали ненависть и вражду.

И когда пришла телеграмма о твоей смерти, душа моя, уже скорчившаяся от боли, только всхлипнула и осталась неподобающе равнодушной. Через месяц у жены внезапно умер младший брат. Это произошло в первый день нового года, и мы только потрясённо вопрошали друг друга: за что?..

Но надо было жить дальше...

Прошёл год. Время поработало над нами, кое-что подлечив, кое-что удалив, кое-что разрушив. И вот теперь пришли тоска и раскаянье.

Где ты, моя мама? Ты всегда была в этом мире, с первого моего дня. Моя память началась с тебя, с запаха твоей груди и твоей подмышки, когда уходили все детские страхи. Моя Родина, моя Россия началась с тебя и твоей песни «На крылечке твоём...». Твои честность и способность любить, которые ты в меня вложила, удерживали меня в жизни от скверны, я всегда хотел, чтобы ты была за меня спокойна и уверена, что уж я-то тебя не подведу. Была ли ты хоть немного счастлива?

Старое фото... Вот такой я начал тебя помнить. Стройная молодая женщина в тёмном платье с длинным рукавом, с красивой, модной по тем временам, причёской — вьющиеся локоны до плеч — вся подалась вперёд, навстречу освещающему лицо солнцу, раскинув руки как крылья (позади тебя бельевая верёвка в сельском дворике, за которую ты держишься), на лице выражение радостного ожидания и надежды. Тебе 27 лет, у тебя уже двое сыновей, и ты уже три года как убежала с нами из Советской Гавани, от нашего отца, спившегося офицера, к своим родителям, в Нарым.

Наверное, это был один из самых спокойных и счастливых моментов твоей жизни — красивая, как актриса, неза-

мужняя, образованная, с двумя детьми, конечно, но хорошо помогают родители. Ты и была актрисой в самодеятельном Нарымском театре. Голос, внешность, хорошая речь — всё было. Ты играла в пьесе Чехова «Чайка». Помню, дед (твой отец) ругался по поводу женихов, от которых не было отбоя. Скоро ты выберешь из них себе мужа, на 6 лет моложе тебя, и его безумная любовь станет твоим крестом. И его крестом тоже. И всё очарование молодости пройдёт — вот уже другие фотографии — детей уже трое, здоровье подводит, то худоба, то излишний вес, более ответственная работа — вечный главный бухгалтер. Проблемы со старшим сыном, красавчиком и умницей, но совершенно беспутным. Проблемы с мужем — замечательным тружеником, сильным и мужественным человеком, абсолютно не владеющим собой в ревности.

Компьютер помогает мне восстановить и оживить это простенькое старое чёрно-белое фото. Оно моё любимое. Я помню, твои длинные вьющиеся волосы были тёмно-каштановыми, глаза синими, помню яркий цвет губной помады и розовую пудру. Платье было чёрным, хорошей шерсти, с голубой тесьмой на вырезе ворота. Зелёная копна сена во дворе, берёзовая поленница, бирюзовое небо над сибирским селом, стоящим у великой Оби. Долетает звук плеска волн о берег, гудок парохода, запах реки и лесосплава, сверкает под солнцем необозримая обская ширь и все-все отголоски той прежней — трудной, но счастливой — жизни в своей могучей стране, только что разгромившей порождение «просвещённой» Европы — германский фашизм — и освободившей мир от очередного идолища поганого. И над всей этой красотой и ширью я вижу тебя, раскинувшую руки как два крыла, свободною и прекрасною чайкой, пролетевшей по моему детству.

Уже давно нет в живых ни твоего первого, ни твоего второго мужа. Ещё раньше ушли из жизни твои родители, так любимые мною бабушка и дедушка. Ты ровно на год пережила своего старшего сына, разрушившего свою жизнь и твоё здоровье. Так и не понятно, зачем приводил Бог его

в этот мир, нанеся тебе под конец жизни такой непереносимый удар.

Вот и последняя твоя фотография...

Смотрю на тяжёлое восковое лицо, обрамлённое похоронным убранством, и не нахожу в нём ничего отталкивающего, присущего смерти. Это лицо пожилой, очень усталой женщины. И только теперь мне понятна эта усталость — от бессонных ночей, когда я лежал пластом, маленький и больной; от отчаянья, когда на четвёртые сутки уже нечего было продать, чтобы накормить меня, восьмимесячного, в поезде Владивосток — Москва; от непрерывной многолетней — с детства — работы на предприятиях и дома, где всегда была чистота, свежее постельное бельё, вкусная еда и приличная одежда для трёх сорванцов, двое из которых (я и моя сестра) получили хорошее образование; от вечных забот и переживаний об общественном благе, о своих родителях, о своих внуках, о том, чтобы оставаться женщиной для своего мужа; о всех далёких и близких родных; от того, какой ты была, МОЯ МАМА...

Ноябрь 2003 года

Надежда Казакова

г. Химки, Московская область

ЛЮКС С ВИДОМ НА ПРЕГОЛЮ

В четверть пятого утра пробок на Ленинградке нет. Даже в пятницу. До вылета почти три часа, электронная регистрация на рейс пройдена ещё вчера, машина в Калининграде заказана, гостиница тоже. Беспокоиться, кажется, не о чем. Вот и «Ежи» на двадцать третьем километре уже проехали. Скоро поворот на Международное шоссе, а там и аэропорт совсем близко.

Как всё-таки удобно вылетать рано утром! Нет усталости, нет накопившихся за день отрицательных эмоций, нет толчеи и пробок на дороге.

— Кстати, дорога пустая, а мы еле плетёмся. На спидометре 40, — Полина сначала подумала это про себя, а потом и вслух.

Вежливый водитель немедленно отреагировал:

— Машина старая. Зачем её добивать?

— Я заказывала «бизнес-класс», — пошла было в наступление Полина, но её попытка была тут же отбита:

— В «бизнес-классе» тоже бывает техника «пенсионного возраста». Она надёжная, комфортная. Да, не очень резвая, но ведь мы же не стоим, правда?

Полина согласилась с доводами водителя, промолчав в ответ, и ещё несколько минут «наслаждалась» неспешной ездой в Audi, сошедшей с конвейера, вероятно, в преддверии нынешнего тысячелетия. Вдруг бизнес-повозка остановилась.

Упреждая её вопрос, водитель-джентльмен, со вкусом упакованный в стильный костюм и белоснежную рубашку с галстуком, невозмутимым голосом произнёс:

— Коню нужен корм, даже если это конь «бизнес-класса».

«Корма» нужной марки на первой заправке не оказалось. На следующей была длинная очередь, но ведь всё когда-то

заканчивается, и рано или поздно можно рассчитывать на старт в сторону аэропорта.

В салоне работал кондиционер, подогрев сидений функционировал исправно, слух убаюкивали звуки «Лунной сонаты» Бетховена, доносившиеся из радиоприёмника, поэтому дискомфорта или тревоги Полина не испытывала, если не обращать внимания на тот факт, что время, остававшееся до вылета, катастрофически сокращалось.

Когда водитель остановил престарелое авто у входа в терминал В, часы показывали четверть шестого. Полина упрямо гнала от себя мысли о том, что ровно в шесть регистрацию на рейс закроют и тогда она уже не сможет сдать багаж (а значит, и не улетит этим рейсом), но некое волнение тем не менее начало зарождаться в её сознании. Именно поэтому она старалась пошустрее — в темпе «Аллегретто» Бетховена — передвигать перламутрово-красный чемодан, а заодно и себя в сторону стоек регистрации на внутренние рейсы.

Она протягивала паспорт и посадочный талон сотруднику с лицом подвядшего яблока, когда скрипучий металлический голос оповестил по радио:

— Московское время шесть часов.

И тут же грянул гимн.

После того как он был исполнен, у человека по ту сторону стойки прорезался уверенный громоподобный бас, никак не вяжущийся с его внешностью:

— Регистрация на ваш рейс завершилась минуту назад. Не задерживайте других пассажиров, отойдите от стойки.

— У меня есть электронная регистрация, нужно только сдать багаж. И потом, прошла всего минута. — Полина пыталась достучаться до разума или сердца этого несуразного сотрудника аэропорта. Это его раздражало, зевая, он указал куда-то вдаль узкой женоподобной ладонью:

— Бабушка, пока самолёт ещё не взлетел, вы можете обменять билет на ближайший рейс вон в той кассе.

Полина, едва завершившая десятилетие, отделявшее её от рубежа бальзаковского возраста, бабушкой себя не считала. И в другой ситуации она, возможно, съязвила бы в ответ, сейчас же этого неказистого, видимо, ещё с детства

недокормленного гномика с мощным басом Ильдара Абдразакова ухоженная дама окатила, как ледяным душем, презрительным взглядом, и — бегом, бегом, бегом туда, где могут обменять билет! Вдруг повезёт — и всё получится?

Семьи с младенцами, пожилые пары, иностранные туристы, не говорящие по-русски, — и все они стоят в очереди к вожделенному окошечку перед ней. Миловидная сотрудница средних лет терпеливо объясняла взволнованным путешественникам, какие варианты решения проблемы есть у каждого, выслушивала их просьбы и просто крики отчаяния, пытаясь «войти в положение» и помочь. Три минуты показались Полине неделей. И вот «добрая фея» из команды «Аэрофлота» готова помочь и ей:

— Ближайший вылет из Шереметьево в Храброво через сутки. Вам надо доплатить за перелёт туда и обратно двенадцать тысяч сто пятьдесят четыре рубля.

За билет в оба конца уже было заплачено одиннадцать с половиной тысяч. Плюс штрафные санкции в отеле, уже внесённые средства за аренду авто в лизинговой компании... Путешествие обещает быть нескучным и, прямо скажем, далеко не дешёвым. Так Полина думала про себя, а вслух с полным отчаянием спросила:

— А другие варианты есть?

— По крайней мере один есть, — ответила «фея» в окошке. — Если не сдавать багаж, то можно попытаться успеть на текущий рейс.

Что называется, с места в карьер Полина стартовала в забег к нужному выходу под аккомпанемент бетховенской «Бури». Это был самый дальний выход в терминале. Миловидная седая дама в чёрных облегающих брючках до щиколоток, ярко-алом летящем плаще, графитовой широкополой шляпе и графитовых лодочках от Christian Louboutin подобно миниатюрному атомному ледоколу решительно и энергично прокладывала себе путь среди онемевшей плотной несокрушимой массы пассажиров, встречающих, провожающих, опаздывающих и уже опоздавших. Внезапно она остановилась как вкопанная и, резко открыв чемодан, достала из него один пакет, легко подхватила его и оставила лежать свой

любимый и надёжный Cosmolite от фирмы Samsonite посреди аэропорта. Распахнутым. Не до чемодана. Времени практически не осталось, но минимальный, малюсенький такой шанс успеть на самолёт у неё всё-таки ещё был. Или ей это только казалось?

Красная подошва её лодочек молнией рассекала воздух, изящные, будто вручную выточенные, шпильки стучали по гладкому полу раскатами камнепада в горах, эхо разносило их, казалось, по всем терминалам Шереметьево, сердце временами выпархивало из груди, но, спохватившись, возвращалось восвояси. Ласково обнимавший её безупречную шею яркий шёлковый шарфик от Missoni трёхцветным шлейфом развевался и стремился время от времени улететь, но Полина удерживала его в самый последний момент и продолжала свой марафон. Она охала, стонала, беззвучно рыдала, набросив на свои эмоции улыбающееся лицо успешной респектабельной леди.

Можно выдохнуть, вот уже и выход на посадку на расстоянии вытянутой руки, но откуда ни возьмись непрошено зазвучала, разлилась в воздухе «Мелодия слёз» великого и любимого Бетховена.

Юноша в тёмно-синем форменном костюме и галстуке, подтверждающем его принадлежность к «Аэрофлоту», замыкал цепочку пассажиров. Он пожелал всем счастливого полёта и готов был уже закрыть стеклянные створки дверей.

— Молодой человек, я тоже на этот рейс, — Полина с усилием едва смогла вытолкнуть эти слова из горла. Рот пересох. Дышать полной грудью не получалось, сердце скакало, будто мяч от пинг-понга, ударяясь о грудную клетку и снова взлетая в область сонной артерии слева. Она держала в руках паспорт и посадочный талон, которые, как она смутно начинала догадываться, сейчас были абсолютно бесполезными. Неспешно, даже как-то лениво и небрежно, как на кадрах замедленной съёмки, сотрудник, бросив на неё равнодушный взгляд, достал связку ключей из кармана брюк, отыскал нужный и вставил его в замочную скважину двери.

— На табло написано, что посадка на рейс Москва — Калининград ещё идёт, — пыталась привлечь к себе внимание

Полина. У того, к кому обращалась миловидная дама в алом плаще, наготове были беруши с двумя уровнями шумоподавления. Он их незаметно пристроил в ушные раковины, и голос этой женщины стал тише и не действовал на нервы. А потом этот усталый голос и вовсе утонул в тексте объявления, звучавшего по радио:

— Пассажиров Казарян и Овакимян, зарегистрированных на рейс ..., просят срочно пройти на посадку к выходу ...

Объявление звучало трижды. Припозднившиеся Казарян и Овакимян, вероятно, уже подоспели к заветному выходу. Как бы Полине хотелось, чтобы вместо этих людей её попросили поторопиться и как можно быстрее прийти. Да почему, собственно, вместо них? Пусть бы о ней просто позаботились, найдя её фамилию в списке зарегистрированных, но не пришедших вовремя на посадку, и объявили по громкой связи...

Полина смотрела, как пунктуальный юноша поворачивает ключ в скважине, убирает связку в карман и, прилепив к лицу заученную улыбку, направляется к ней:

— Доброе утро. Чем могу помочь?

Что было ему отвечать?

...Перед глазами под нескончаемую «Мелодию слёз» замаячила литровая бутылка, в которую продавщица алюминиевым половником наливала подсолнечное масло. Мутная тягучая смесь заполняла сосуд. Крошечные пузырьки воздуха беспорядочно стремились вверх, а тяжёлая мучнистая взвесь опускалась на дно, образуя подвижный осадок едва ли не в треть бутылки. Картинка из детства... Её теперешнее состояние. Вязкая густота невезения.

— Спасибо. Не стоит беспокойства, — только и сказала Полина, присаживаясь на диван.

Ещё несколько минут она собирала силы, давая себе возможность окончательно отдышаться. Прикрыв глаза и слегка наклонив голову вперёд, она сосчитала до тысячи и, как могло бы показаться со стороны, легко поднялась и застучала размеренно каблучками. Теперь уже в обратную сторону.

Против потока пассажиров она шла налегке, расслабившись, смотря прямо перед собой. Вопреки правилам и здравому смыслу она покидала зону предполётного контроля, где всего несколько минут назад ей поставили необходимые штампики в посадочном талоне, и направлялась к стойкам регистрации пассажиров и кассам «Аэрофлота».

Десятки людей складывали в быстром темпе свою верхнюю одежду, часы, телефоны, ремни, ключи в низкие пластиковые корзины, ставили их на движущиеся чёрные ленты; они суетились, громко разговаривали, нервничали отчего-то. Видно, боялись не успеть на посадку. Полина их почти не замечала, занятая мыслями о том, как исправить ситуацию.

Конечно же, надо попробовать — пока самолёт ещё на земле — обменять билет, но не на завтра, а на сегодня. Как это сделать, Полина ещё не понимала, но, когда у неё была цель, она всегда знала, что найдётся и решение проблемы.

И она уже с крейсерской скоростью под жизнерадостным парусом своего плаща двинулась в сторону обменных касс «Аэрофлота». На горизонте вырисовывалась странная картина: очередь к одной из стоек у выхода на посадку расходилась на два рукава, а чуть дальше сливалась снова в единый поток. Идущей против всех Полине этот безлюдный островок показался странным, она ступила на него и чуть не споткнулась о собственный чемодан. Её Cosmolite лежал распахнутым, было понятно, что никто до него даже не дотрагивался. Полина нагнулась, положила изъятый ранее пакет на прежнее место, закрыла крышку и продолжила путь «в сопровождении» чемодана. Никто из пассажиров не произнёс ни звука.

Очередь к доброй фее в окошке двигалась подобно стоячей воде в пруду, надежда обменять билет всё быстрее и быстрее превращалась в неосуществимую сказку, но вдруг все стоявшие перед ней граждане КНР дружно переметнулись за своим вожаком к другому окошечку.

Увидев её, кассир подняла вверх указательный палец правой руки, что могло означать только одно: «Всё помню». Она набивала информацию на клавиатуре так, как будто играла на фортепьяно пятый концерт Бетховена — самозабвенно

и стремительно, — потом попросила документы, снова вводила какие-то данные и огласила вердикт:

— Сегодня в Калининград улететь можно только из Внуково. Оформляем?

Ещё пять минут на оформление нового билета, доплата (добрая фея из «Аэрофлота» нашла возможность снизить её до пяти тысяч с мелочью), сдача, и можно вызывать такси, и мчаться в сторону дома, и выпить чашечку кофе, и позвонить в лизинговую компанию с просьбой изменить время подачи автомобиля в аэропорту «Храброво», отдохнуть пару часов и ехать в двухэтажном аэроэкспрессе (которые идут бесшумно и не отклоняются от расписания никогда), расслабившись.

...Самолёт взлетел и приземлился вовремя. Машина с полным баком бензина ждала её на стоянке напротив выхода из здания аэропорта, и через полчаса Полина уже входила в «Kaiserhof».

Она любила трепетно этот город и этот отель. Те отвечали ей взаимностью. Путешествие в самый западный и самый дорогой сердцу уголок страны можно было планировать на любое время года — столица янтарного края всегда встречала её ласковым солнцем и лёгким освежающим ветерком, а отель неизменно радовал продуманным сервисом и просто радушным отношением.

Однако самым желанным временем для свидания с Калининградом Полина считала весну. Каждый год она обязательно прилетала сюда накануне дня рождения. Ностальгия по городу детства и юности, по друзьям самой счастливой поры человеческой жизни, по распускающимся пирамидкам белых, а потом и красных каштанов, рыбакам, часами стоящим на набережной с удочками, лебедям на бархатной глади реки, исчезающей с улиц брусчатке, окутанному дымкой тумана и тайн Кафедральному собору здесь оборачивалась сладостной сказкой, счастьем, верой в себя. Здесь, ей всегда казалось, она обретает возможность дать крылья своей мечте. Почувствовав дыхание родной земли и недалёкой Балтики, она старалась набраться у них сил для продолжения путешествия под названием «Жизнь».

— Полина Анатольевна, рады видеть вас снова. Как долетели? Не устали? Ваш панорамный люкс готов. Хорошего отдыха.

Увидев немой вопрос в глазах Полины, менеджер отеля ответила ей:

— У вас завтра день рождения, и мы сделали для вас апгрейд, так что ошибки здесь нет.

* * *

Сидя в удобном кресле у окна, Полина любовалась Преголей, воды которой перекатывались волна за волной и тихонько бились о берег, а в серебристой дорожке по центру реки мягко покачивалась пара белых лебедей, будто слыша «Лунную сонату», вновь звучавшую в её сердце.

Сентябрь 2019 года

Надежда Кульчицкая

г. Москва

ВЫ – ЛЮБОВЬ МОЯ НЕЖНАЯ

Посвящается моим родителям,
Померанцевой Наталии Николаевне, ставшей вдовой в 25 лет,
и Панкратову Николаю Фёдоровичу, добровольно сменившему
смычок на винтовку и ушедшему из оркестра
филиала Ленинградского театра оперы и балета им. С. М. Кирова
защищать Родину.
Погиб под Колпино 20.12.1941
в районе деревни Мокколово.

Вы — любовь моя нежная,
Моя память безбрежная,
Я повинную голову
Перед вами клоню...
Вашим счастьем омытая,
Вашим горем покрытая,
Я — слезами умытая —
Ваше фото храню...

26.08.2019

ОДИНОКИЙ СТАРИК

Седой, больной, с дрожащими губами,
Переступил порог и вышел в сад.
С трудом ступал опухшими ногами —
Он двигался к осине в снегопад.

В руках ослабших — с семечками плошка,
Глаза слепит снежинок плотный ряд,
А за спиной замёрзшее окошко,
И свечи поминальные горят.

Один остался... Он с судьбой не спорил,
Порвалась долголетней связи нить...
Превозмогая боль, убитый горем —
Он вышел в сад синичек покормить...

08.12.2019

Людмила Колбасова

г. Балашиха, Московская область

ЗА ГРАНЬЮ

Эта история — истинная правда от первого и до последнего слова. Я не хочу что-либо доказывать, в чём-то убеждать и вступать в дискуссии. Тема слишком опасная, пугающая, неисследованная, но вечная и неизбежная. Рано или поздно она коснётся всех...

Каждый человек знает, что его дни, как и всё на земле, имеют начало и конец. И на банкетах, торжественно, с фейерверками отмечая дни рождения, мы испытываем порой грусть и даже некий страх, что стали старше и ближе подошли к концу...

Время, отсчитывая секунды, минуты, часы, дни... года... десятилетия, летит незаметно и неминуемо приближает нас к вечности. А запас наш: «Годы жизни нашей развеиваются, точно паутина; мера лет наших — семьдесят лет, если же в силах мы, — восемьдесят лет, к тому же скорбь и болезни; этим обретаем мы смирение и назидаемся»*.

Так и Виктор — жил в трудах праведных да и не успел заметить, как стал пожилым, а затем старым. Лет ему было за восемьдесят. Здоровьем отличался крепким, а по-иному и быть не могло: из двенадцати рождённых ещё перед Отечественной войной детей выжило всего четверо. Самые сильные и жизнеспособные: Виктор, любимец матери, и три сестры.

Верой и правдой единственный сын служил Отечеству.

В Бога не верил: поднимая в небо реактивные машины, любил повторять, что ни разу с ним не встретился. И о смерти не задумывался. До последнего дня, как скосила болезнь, трудился на даче, надолго уходил в лес за ягодами, грибами. Любил хорошую книгу, кино и каждый год в День защитника Отечества танцевал с супругой на офицерском балу.

* Псалом 89.

Хорошую жизнь они прожили. Торжественно отметили бриллиантовую свадьбу, богатую, аквамариновую... и кто только эти названия придумывает?

Болезнь подкрадывалась незаметно. Вначале ноги начали сильно уставать, затем внезапно возникала в них острая боль. Приступы учащались, увеличивались и усиливались.

Врачи удивлялись крепости здоровья старика и, диагностируя атеросклероз всех сосудов и артерий, беспомощно разводя руками, говорили, что в таком возрасте это не удивительно. Прописали таблетки, инъекции и позавидовали деду, который впервые в жизни на девятом десятке обратился за врачебной помощью. Но коварная болезнь продолжала творить своё тёмное дело, и в один день оторвавшийся тромб закрыл артерию. Гангрена развивалась молниеносно, убивая организм не только отмиранием тканей, но и своим ядом поражая мозг.

За двое суток Виктор, шалея от боли, перестал думать и забыл лица своих родных...

Дети тотчас засобирались в дорогу к тяжело больному отцу. На удивление медиков, полную ампутацию ноги он пережил. Метался жилистый мускулистый, необыкновенно сильный старик под воздействием морфина и других наркотиков на кровати и, будучи в забытьи, ловко освобождал привязанные руки и порывался встать. Он открывал глаза и обезумевшим от мук взглядом глядел на дочь Елену и не узнавал. Добрый и нетребовательный по жизни, поглаживал её слабой рукой по плечу: «Ну чего вы тут со мною сидите? Идите отдохните. Полежите. Вон кровать стоит пустая. Мне ничего не надо. Идите. Идите...»

Елена выходила в коридор и плакала, жалея и страдая, нестерпима была душевная боль, усиленная тем, что папа потерял память. Сжимала кулаки от бессилия и, собрав волю — она была крепкая духом в отца, с улыбкой возвращалась...

Приехала вторая дочь, и её он тоже не признал.

— Почему? — спрашивали лечащего врача. — Он же несколько дней назад был не по годам бодр и умён.

— Гангрена опасна именно заражением крови, — привыкший к человеческим страданиям, спокойно отвечал он.

— Что его ждёт дальше?

— Я не Бог, — доктор, пожимая плечами, беспомощно разводил руками, — у него развилась сильнейшая почечная недостаточность... готовьтесь. Я удивлён, почему он до сих пор жив.

Всю силу и крепость старика быстро забрала коварная смертельная болезнь.

Из трёх ампутаций за это время в отделении в течение нескольких послеоперационных дней умерли двое — значительно моложе. А Виктор жил.

Жил, но еле-еле поправлялся. Родные страдали: они понимали, что для активного, необычайно подвижного Виктора жизнь без движения будет пыткой, но ещё более страшной казалась потеря разума.

Вот тут-то родные и вспомнили про Бога. Столь тяжелы были их переживания, что они сами уже не справлялись и, собравшись дружной стайкой, пошли в церковь. Добрая женщина в свечной лавке первым делом спросила: «А крещён ли он?» И все вспомнили давно ушедшую в мир иной Акулину Денисовну — мать Виктора, которая была не просто верующим человеком, но и всю свою жизнь строила по заповедям. Именно она настояла на крещении внуков, правнуков. Вот только с Виктором справиться не смогла. Шустрый был. Времена полного безбожия. Вздрагивала, вспоминая, как привела его на причастие, а он... ой, и ворошить боялась... да ещё профессию такую опасную выбрал. Молилась за него — богопротивника — неистово.

Первым делом купили крестик и надели на Виктора. Он внимательно посмотрел на него, затем на дочек: «Спасибо». Сказал и улыбнулся. И в этот миг из-под низких серо-грязных туч выглянуло солнце.

— Папа, ты узнаёшь нас?

Он опять улыбнулся: «А как же, вы же мои дети...» Потянулся рукой и постарался их обнять. Это было невероятно, ещё вчера он принимал их за медицинских сестёр.

И его дочки заплакали, и сердца их разрывались при виде окровавленных огромных повязок, трубок, капельниц... и одной сильной мужской, но уже тоже опухшей ноги. Это было страшно, и многие, в том числе и врачи, стали говорить о его смерти.

А он не умирал. Он жил вопреки всем прогнозам, и к нему даже стала возвращаться память. Но о выписке речи не шло. Рана не затягивалась, начался остеомиелит, и врачи провели повторную операцию. Опять боль, стоны, привязанные руки, но уже не было сил их освободить.

Родные неистово молились. «Богородица Дева, радуйся...» читала сидящая у постели отца Елена и гладила — гладила папу по ноге, которая тоже болела. «Чему же радоваться?» — думала она, но, вспоминая, что говорил священник, прекращала рассуждать и молилась — молилась про себя.

— Да, — как-то сказал врач, — вот в данном случае я за эвтаназию.

А Елене было страшно. Конечно, она видела мучения отца, но он был живой, и как можно?..

Сколько же человеческое сердце способно вынести боли? И чем страшнее боль, чем тяжелее мука, тем больше мы нуждаемся в поддержке. Нам надо на кого-то надеяться, кому-то верить и кому-то поплакаться. Родные стали надеяться на Бога и всё больше верить, что всё происходящее для чего-то нужно.

— Но для чего? — не понимали они. — За что ему такой тяжёлый конец?

А Виктор вдруг заговорил о Боге. Вернее, стал упоминать о нём.

— Дай Бог, — говорил он, когда ему что-то обещали.

— Когда же меня Господь заберёт? Устал я, — вздыхал и брал в руки крестик. Смотрел на него и, казалось, о чём-то глубоко задумывался.

— Слава Богу, — радовался, когда родные к нему приезжали. — Слава Богу!

Как-то его переодевали и сняли крестик, чтобы постирать гайтанчик, а он вдруг резко вырвал его из рук: «Не снимай!»

И... поцеловал. Надел, слегка похлопал себя ладонью по груди: «Не ты повесила», — и, как всегда, улыбнулся.

Откуда и почему вдруг это у него появилось? Его атеистические взгляды не менялись по жизни, и, кроме того, он слыл ещё хорошим богохульником. «Дурят вас», — смеялся и возмущался, видя членов нашего правительства со свечами в церкви.

Вспомнилось, как священник говорил, что душа человеческая по своей природе христианка, только не каждый верно реализует природу своей души, и независимо от вероисповедания и религиозного воззрения она всегда стремится к Истине и ищет своего Бога.

Прошёл месяц, второй, заканчивался третий. Виктора не выписывали: рана не заживала — сочилась, кровоточила, да и другие проблемы не отпускали.

— Я не понимаю, — удивлялся лечащий врач, — с такими анализами он не должен жить.

— Я хочу умереть, — говорил больной, — почему Господь меня не забирает? Вы уж попросите его, помогите мне.

Удивительны были его речи. Временами память полностью его покидала и он вообще никого не узнавал, моментами возвращалась. Он был обречённо спокоен, стоически терпелив и только просил Бога его забрать и просил родных помочь ему уйти. Тогда он сердился: «Неужели вы не знаете, что надо делать?»

А они не знали. Елене вдруг стала сниться бабушка Акулина Денисовна. Смотрела во сне на неё с укором одну ночь, другую. Смотрела и молчала. Иногда осуждающе покачивала головой. За её спиной видела давно упокоенных родителей мужа. Лена просыпалась и чувствовала себя виноватой. Только в чём? И вдруг поняла: истинно верующая бабушка не хочет смерти грешной без покаяния и причастия своему любимому сыну.

— Неужто такое может быть? — спросила отца Сергия — настоятеля храма Рождества Пресвятой Богородицы.

— Смерть грешников тяжела, мучительна, исполнена страстей, ужаса, стыда и позора, — отвечал пожилой батюш-

ка, — его душа страшится уйти без покаяния, она терпит муки, стремясь очиститься, и мать там молится за него.

И к больному пригласили священника.

— Папа, — предупредила накануне Елена, — к тебе завтра приедет батюшка — отец Сергий. Ты согласен с ним поговорить?

— Конечно, конечно, — засуетился старик, — пусть приходит.

Он потрогал своё лицо: «Побрейте меня и наденьте рубашку, не в белье же его встречать».

Елена утром причастилась сама и в страшном волнении везла священника в больницу. Виктор — помытый, чисто выбритый, приодетый — волновался. Он, словно ребёнок, старательно внимал всем молитвам, иногда повторял и что-то рассказывал на исповеди. В какой-то момент, затаив дыхание, вдруг поднял голову и потянулся к кресту. Он хотел поцеловать его. Люди, что были рядом, плакали. Старик на соседней койке неистово крестился и тоже шёпотом повторял слова молитв. Молодой парень с ампутированной стопой украдкой утирал слёзы и неумело торопливо накладывал на себя крестное знамение. У дверей палаты в коридоре стояли женщины и, прислушиваясь, молились. В отделении стало тихо, и даже шустрые медсёстры и санитарки старались двигаться чуть слышно. Молодой врач удивлённо покачивал головой...

«Спасибо, спасибо», — повторял Виктор после, провожая отца Сергия. «Благословите, батюшка», — больные выстроились вдоль коридора и склонили головы, сложив крест-накрест ладошки.

Лена подняла взгляд вверх и прошептала: «Бабушка, я всё сделала. Его душа не погибла».

И счастливые радостные слёзы, смешанные с горечью, усталостью и болью за родного человека, полились по щекам. Она почему-то поняла, что пришёл конец мучениям, и старалась запомнить спокойное умиротворённое отцовское лицо, вглядываясь в каждую его чёрточку.

Спустя время удивительно смиренный Виктор вдруг сел на кровати и самостоятельно перебрался на стул рядом:

«Пойдёмте погуляем. Два кружочка». Лена достала брюки, и, пока доставала другую одежду, отец сам их надел. Это было впервые. Его взгляд был ясный и столь разумный, что зять старика, радуясь, стал снимать его на телефон.

В инвалидной коляске по усыпанному опавшей листвой дворику пожилая супружеская чета везла похудевшего донельзя ровно сидящего старика с густой седой шевелюрой, укутанного в клетчатый плед. Он иногда поднимал взгляд усталых красивых голубых глаз в небо и, казалось, видит и понимает что-то одному ему известное. Взор был благодушный и полностью разумный.

— Я устал, езжайте домой. Вы ведь тоже со мной измучились.

Виктора уложили, Лена поцеловала его, а он с любовью погладил её по щеке: «Если бы ты знала, как я люблю тебя». Он слегка вымученно улыбнулся и заснул... заснул навеки. Он ушёл в жизнь вечную после исповеди, причастия, помазания. Как и положено истинному христианину...

Ушёл спокойно во сне...

* * *

Говорят, что, когда человек чувствует близость смерти, он переоценивает жизненные ценности, вспоминая свой путь, заботы, убеждения.

Мудрый человек, учат отцы церкви, должен иметь память смертную. Все мы знаем, что когда-нибудь умрём, но бежим от этой мысли и не думаем, с каким багажом деяний, поступков мы подойдём к последней черте. Каждый хочет пройти свой путь чисто и достойно, оставив о себе добрую память, хотя бы ради детей, будущих поколений. Но и их не станет, и тогда зачем всё это? Если после смерти ничего нет, тогда в чём же смысл нашей суеты? А может, всё-таки есть другая жизнь? Вечная. И от наших деяний в этой жизни зависит, какая она будет? И от того, как уйдём, тоже?

15.11.2019

КАШЕМИРОВОЕ ПАЛЬТО

Последняя неделя Великого поста нежилась тёплыми, почти летними денёчками, и, предвкушая самое большое торжество Православной Церкви, восходящее солнце особо ласково поглаживало землю, оставляя на ней лишь в теневых ложбинках быстро тающие рыхлые снежные взгорки. Зияющие пустотой чёрные проталины быстро заливаются сверкающими звенящими ручьями. Обнажённая земля — сочная и жирная — уже покрылась кое-где, словно мхом, пробивающейся растительностью. Пушистые, махровые, точно живые, ольховые серёжки трепетно резвятся под шаловливым и изменчивым апрельским ветром, а в каждом палисаде из-под квёлого потемневшего снега, как оловянные солдатики, тянутся к солнцу стройные первоцветы. Валентина вздохнула глубоко — полной грудью и, сощурившись, подняла взор в бездонное белёсо-голубое небо: «Благодать-то какая!» Воздух свежий, насыщенный волнующими запахами весны.

Казалось, что не только христианский мир затаился в радостном ожидании Воскресения Христова, но и вся природа, стремясь скорее сбросить с себя оковы зимы, трепетно лелеяла каждую животинку, птаху, травинку, чтобы взорваться в праздник феерическим весёлым разноцветием. Действительно, истинная благодать!

Валентина остановилась и поставила объёмную сумку на землю. Устала — слишком торопилась. А спешила она в храм на генеральную уборку. В сумке лежали тряпки, банки с бытовой химией да скромный обед на трапезу после причастия перед началом работы. Как человек очищается постом, воздержанием да слезами покаяния, так и церковь жаждет освобождения от копоти, грязи и пыли. Красиво горят свечи, отражаясь бликами в сусальном золоте и величественных люстрах, но сажа оседает везде: на стенах, на киотах, на иконах, на паникадилах. Прокрываются пылью иконостас и роспись. Вот и моют тщательно несколько раз в год — обычно перед большими праздниками — окна, двери, стены, но самым трудным считается очистить пол от воска и парафина. Ради Христа трудятся прихожане с высокой радостью, даже

счастьем, что удостоились чести, повторяя слова святого Серафима Саровского, что нет паче послушания, как послушание Церкви.

Вот и торопилась она в храм, который любила пуще родного дома. Подняла сумку, одёрнула ставшее тесным пальто и грустно подумала, что опять не скопила на новое. Потёртое пальтишко старенькое, столь заношенное, в катышках и затяжках, что трудно определить, из какого материала оно пошито, а главное — не по размеру: застёжка на груди давно уж не сходится. Хитрая Валентина поверх пальто большой посадский платок накидывает на плечи, подаренный матушкой — женой отца Михаила, который жил со своим многочисленным семейством в квартире рядом с ней. Всегда смеялась, вспоминая, как, запыхавшись, возбуждённо размахивая руками, прибежал её пострелёнок Виталька и, удивлённо тараща глаза, словно увидел инопланетян, закричал: «Мама, мама! Рядом с нами настоящий поп с попадьёй поселился! И детей у них полным-полно!»

Именно отец Михаил и привёл Валентину к вере. Виталька рос слишком уж бедовым, вот и ходила советоваться к нему да матушке Нине, пятеро детей которых не доставляли особых хлопот своим благочестивым родителям...

Одёрнула Валентина пальтишко, поправила платок на плечах и радостно пошла дальше, думая в пути, как бы ей выкроить деньжат на покупку пальто. Только пенсия у неё была столь мала, что едва хватало на еду, дешёвые лекарства да кой-какие мелочи. Но, несмотря на бедность, Валентина особо не роптала и всегда подавала нищим. Монетки собирала, карамельки покупала да печенюшки. Бумажные десятки, аккуратно разглаживая, откладывала на пожертвования.

Как-то огорчилась — она бережно положила на поднос подготовленную денежку, а рядом стоящая начальница Пенсионного фонда столь небрежно, как ей показалось, бросила пятитысячную купюру, что Валентина вся сжалась, испугавшись. Посмотрела искоса на красивую холёную пышную даму в дорогом кашемировом пальто и чуть не заплакала, подумав, как же несправедлив этот мир. Сама она всю жизнь санитаркой в больнице проработала — сколько пользы людям

принесла, а ничего не заработала: ни на красивую одежду, ни на большие пожертвования. Подумала, грешным делом, что трудом заработанные так небрежно не кидают, и крепко невзлюбила начальницу, даже не осознавая, за что.

А пальто Валентине настолько понравилось, что стало её мечтой. Сочного бежевого цвета мягкая воздушная кашемировая ткань, как дорогой стриженый мех, завораживала. Не представляя его истинную цену, Валентина решила накопить деньги и купить пальто. Пусть не такое дорогое, проще и дешевле, но обязательно тёплого бежевого цвета. Только, едва сводя концы с концами, она не всегда могла позволить себе покупку нового белья, что уж говорить о пальто.

Отмахнувшись от неприятных назойливых мыслей, стала читать молитвы перед святым Причастием и не заметила, как подошла к красивой ограде Храма Рождества Пресвятой Богородицы.

Валентина очень гордилась доверием батюшки Михаила и старосты Виктора Ивановича. Она уже и не помнила, сколько лет несёт послушание по уборке. В любую погоду, независимо от настроения и состояния, порой даже недомогая, она, помолившись, собирала сумку и шла в церковь. «Дело богоугодное, — приговаривала, — нельзя пропускать».

Взяв благословение, добровольно обрекала себя на самый тяжёлый труд по очистке пола от воска и парафина. Встав на четвереньки, она долгие часы ползла на больных ногах, соскребая шпателем прилипшие и растоптанные капли, собирая их в коробку, от алтаря в притвор. Порой нестерпимая боль в коленях и появляющиеся плавающие чёрные мушки в глазах заставляли вставать и распрямлять спину. И предлагали Валентине заняться более лёгким делом, но она настойчиво и упрямо продолжала именно эту трудную грязную работу. Словно сама на себя накладывая епитимию, а так оно и было. Частенько вспоминала, что её мать пролежала недвижимой более десяти лет и Валентина догадывалась, что посланы были столь тяжкие страдания за невоздержание языка — слишком матушка её была неосторожная в речах.

Поговорить и Валентина любила, не пропускала хвастануть строгим соблюдением церковных канонов да слишком

была строга и нетерпима к любому человеческому греху. Считала себя не просто истинной православной христианкой, но и яростной поборницей веры. Убеждённая в своей непогрешимости, забыла слова Христа: не судите, да не судимы будете. Нет, она верила, что не судит, и все разговоры заканчивала одинаково: «Я не в осуждение, а в рассуждение».

Самым обидным казалось Валентине воровство. Возможно, бедность да нужда побуждали замечать этот грех, а может, неосознанное сребролюбие. Знать, поэтому и не давал Господь ей изобилия. Кто ж ведает? Но она была убеждена, что мимо кармана никто не пронесёт. Обвиняла всех начальников, не жаловала местных предпринимателей, тщательно пересчитывала сдачу в магазине. Доставалось даже Анне из церковной лавки: «Нет кассового аппарата, — Валентина театрально разводила руками и многозначительно кивала, — полный бардак!»

Вот и наказывала сама себя за недобрые мысли и чувства, за необоснованные подозрения и обвинения, за излишнюю болтовню и осуждения, что сделала и сегодня.

Оставив на ногах одни шерстяные носки, ползла на четвереньках Валентина по грязному полу со скребком в руках и молилась. За прощение грехов своих, за сына-пьяницу, за покойных родителей и обо всём, что приходило в голову. А также думала о делах текущих и о новом пальто.

В храме тихо, за окном вечереет, холодает. В алтаре заканчивает уборку Сергей Иванович — алтарник, блестят подсвечники и ярко отражается свет уже чистых стеклянных люстровых подвесок в сакральной церковной живописи маслом.

— Валя, ты скоро? — пожилые товарки собирались домой. Утомлённые, но счастьем от исполненного долга и радостью светились их уставшие лица.

— Идите, девочки, — не поднимая головы и сдувая каплю пота с носа, ответила Валентина, — я уйду с Серёжей. Немного осталось.

Ажурный рисунок линолеума был чист и, начищенный мастикой, блестел, как новый. Валентина усердно, не жалея

и даже злоупотребляя средством, втирала его в пол, и когда немытым остался лишь островок вокруг центрального аналоя, она неожиданно поскользнулась: хотела встать, а полы стали скользкими и, падая, она опрокинула ящик с пожертвованиями, что стоял рядом на высокой тумбочке с тонкими ножками.

— Ой-ой! — закричала, но вопль её заглушил звон рассыпанной по полу мелочи. Жёлтые десятирублёвые и белые пятаки хаотично покатились в разные стороны, и вся денежная россыпь походила на огромную кляксу с кучкой мятых бумажных денег в середине. Стеная, со страхом ощупывая себя, Валентина с трудом поднялась. Слегка болело лишь бедро, да бешено колотилось сердце. Из алтаря выбежал испуганный Сергей Иванович: «Жива? Ну и напугала!» Как бывший фельдшер, он осторожно осмотрел несчастную женщину, что продолжала пенять и сокрушаться по поводу разбитого ящика, и, не найдя никаких повреждений, усадил её на стул: «Отдыхай, я сам всё соберу». Пока Валентина приходила в себя, алтарник собрал деньги с пола в свечную коробку, положил её в пакет и, крепко завязав его, отнёс в алтарь.

Отдышавшись и немного отдохнув, Валентина опять опустилась на колени и продолжила работу. Осторожно обходила она центральный аналой, как вдруг опять вскрикнула: за толстой его ножкой, соблазняя и маня, словно ехидно усмехаясь, смотрела на неё свёрнутая вчетверо пятитысячная купюра. Старушка замерла. Бесовским наваждением, затмевая совесть и разум, быстро нарисовала она в воображении возможные покупки на эту сумму, но самым вожделенным было пальто. Не кашемировое, конечно, как у начальницы Пенсионного фонда, но новое, по размеру и обязательно бежевое. Вот оно — рядом — только руку протяни. Валентина даже почувствовала запах новой ткани, ощутила руками её плотность, мягкость и, вспомнив, как обычно небрежно, бывает, бросают крупные деньги богатые люди, испытала злость и зависть.

Молниеносным движением руки она, как фокусник, схватила деньги и сунула их в бюстгальтер. Молитвенный

настрой мгновенно улетучился, и Валентина спешно, не доделав до конца работу, покинула храм. Домой она шла быстро, возбуждённо представляя себя в обновке на Пасху. Завтра она доложит в свои скромные сбережения эти пять тысяч и отправится на рынок...

Испытывала ли она радость или только нездоровое возбуждение вследствие поднятой грязной мути со дна души — не знаю, но эйфория обладания крупной купюрой, что давно привлекала и возмущала своей недосягаемостью, дома вмиг улетучилась, уступив место животному страху за столь низкое греховное падение. Он сковал тело до мышечной слабости и высокого давления. Приняв лекарства, заметалась по квартире, причитая и плача: «Бес попутал!»

Всплыли в памяти рассказы отца Михаила, что за кражу из церкви — за святотатство в царской России полагалась смертная казнь.

— Стыд-то какой! — упала перед иконой, заревев в голос. — Согрешила хлеще всех, кого осуждала. В храме украла-а-а!

Духовные ошибки Валентины в дерзновенном осуждении людей в воровстве будто окунули старую женщину в грязную лужу.

Тыкая пальцем в чужие беззакония, поражённый гордыней человек лишается бдительности, и тогда он способен совершить абсолютно любой грех, даже тот, который, кажется, ему уже не грозит.

О, как она страдала! Содеянным нанесла душе и телу настолько страшную рану, что не хватало сил подняться.

В болезненном осознании своей низости едва живая душа стонала и просила покаяния.

Зажав в кулаке украденную купюру, полуживая Валентина трясущейся рукой позвонила в дверь квартиры отца Михаила.

— Прости, батюшка! — завыла, упав в ноги священнику. — Бес попутал... не знаю, как такое могло случиться... пальто хотела новое купить... моё-то совсем износилось...

Она всхлипывала, сморкалась и, распластавшись на полу, обнимала батюшку за ноги.

— Да что случилось? — Отец Михаил пытался поднять несчастную женщину, взглядом прогнав изумлённых членов своего большого семейства.

Он с трудом усадил безвольное тело старушки на стул, строго и одновременно ласково, как это удивительно умеют делать добрые люди, посмотрел в опухшие от слёз глаза пожилой измученной женщины. Продолжая всхлипывать, она рассказала, как упала и, увидев свёрнутую купюру, была поглощена алчностью. Как, не отдавая отчёта в своих действиях, попала в бесовский плен, совершив кражу. «Не поверила, если бы мне рассказали, что я на такое способна», — она опять начала плакать и причитать. Валентина не оправдывалась, она искренне не понимала, как могла совершить столь мерзкий проступок. Рассказала она и про красивое пальто начальницы Пенсионного фонда, которое смутило её душу...

— Враг не дремлет, — вздохнул отец Михаил, — он радуется, когда тревожится наша душа, и всячески сам старается её возмутить, он противится любому доброму делу, намерению. Испытывая нас, обольщает и посылает искушения, недобрых и неприятных людей. Вот и попалась ты ему в сети. Не смиряясь, смотрела на мир через призму своих страстей и грехов, но не зря ведь говорят в народе: за что кого осудишь, в том и побудешь.

Валентина всё это слышала много раз и, сгорая от стыда, не поднимая глаз, кивала в знак согласия, постепенно очищая свою душу слезами покаяния.

— Господь говорит, — тихо продолжал священник, — не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить*. И апостол Павел восклицает: «Братия! Если и впадёт человек в какое согрешение, вы, духовные, исправляйте такового в духе кротости, наблюдая каждый за собою, чтобы не быть искушённым»**.

— Я хорошо поняла, батюшка, в чём сама грешна, только то и видела, — Валентина вдруг осознала, насколько же она

* Мф. 7:1–2

** ** Послание к Галатам 6:1.

всё-таки была поражена сребролюбием, что только именно этот грех в других волновал её пуще любых других, — в чём сама виновата, то и замечала... До чего же всё просто и ясно.

— Конечно, — согласился отец Михаил, — лучше всего мы видим грех, который сами знаем, который в нас живёт. Всё изложил Христос в заповедях. Он же нас и предупредил: «Не делай так, а то пострадаешь», — но мы вольны в своём выборе, в выборе своих поступков и, не задумываясь, творим, что хотим, нанося себе раны, а затем плачем и жалуемся.

Валентина внимала каждому слову, искренне раскаивалась и немного успокоенная вернулась домой, пообещав, конечно же, вернуть похищенные деньги.

А отец Михаил подумал, что надо поговорить с церковным старостой и обязательно оказать помощь пожилой женщине за многолетний безвозмездный труд в храме из пасхальных пожертвований. И испытал тоже горькое чувство стыда, что не позаботился об этом раньше. Ведь никто другой, как он, не мог видеть, что столь убога жизнь его соседки не от того, что она получает невысокую пенсию. Он отлично знал, что непутёвый сын Валентины пропивает и спускает деньги быстрее, чем зарабатывает. Берёт взаймы, кредиты, и мать часто вынуждена за него расплачиваться. Можно осуждать и сына, но гены алкоголизма мальчик унаследовал от отца, а может, от деда... Беда! Так что не судите...

«Зачем осуждать других людей? — как-то сказала блаженная Матрона Московская. — Думай о себе почаще. Каждая овечка будет подвешена за свой хвостик. Что тебе до других хвостиков?»

За последние дни строгого поста, да в результате перенесённых страданий, Валентина к Пасхальному Воскресению даже немного похудела и сумела застегнуть все пуговицы на пальто. Правда, ей пришлось стянуть некоторые части тела, но она так хотела быть красивой в любимый праздник!

Злополучные пять тысяч рублей она вернула.

Под непрерывный звон колоколов в свете великой пасхальной радости, ликуя и торжествуя, люди в любви и един-

стве плакали от восторга, целовались, обнимаясь, и эти минуты были вершиной духовного блаженства.

Валентина забыла и про пальто, которым искушал её злой дух, и про беспочвенное злостное раздражение к начальнице Пенсионного фонда. Начальницу звали Наталья Петровна, она была ещё молода, с пышными формами, красивым лицом, и ей всегда было жаль одинокую, по-старушечьи суетливую, старательную, бедно одетую пожилую женщину, что постоянно хлопотала в храме, помогая работницам. На усталом добродушном лице она видела скорбные морщины, рассказывающие о нелёгкой женской доле и одиночестве смиренной души, привыкшей к труду и заботе. У неё самой доживала свой век старая мать, и трудности преклонного возраста она видела постоянно. Тяжёлая работа, неурядицы в семейной жизни, хлопоты о маме изнуряли Наталью Петровну. Она худела, на ухоженном гладком лице показались морщинки, да в глазах появилась усталость. До чего же быстро проходит молодость, вянет внешняя красота, и лишь душевная оставляет человека прекрасным до самой глубокой старости.

По окончании праздничного богослужения Наталья Петровна подошла к Валентине похристосоваться, а после, тепло улыбнувшись, протянула большой свёрток: «Не обидьте, примите в дар моё пальто. Оно почти новое, а мне стало велико, и я подумала, что именно вам оно будет в самую пору, — возьмите». Она развернула пакет, и сердце Валентины радостно подпрыгнуло в груди: на неё, словно живая, смотрела мягкая нежная кашемировая материя насыщенного бежевого цвета. Но вдруг совсем неожиданно она испытала ещё большую радость от трепетных благодатных чувств, что робкими горячими лучами любви и добра вмиг согревают души. Не привыкшая к вниманию и подаркам, умиляясь, Валентина не сдержала слёз и, пряча их, приникла к плечу Натальи...

14.10.2019

БАБА НЮРА

Глава первая

Наверно, в любом старом дворе есть своя уникальная бабушка, почитаемая и знатная, ставшая с годами местной достопримечательностью, без которой не происходит ни одно событие.

В нашем дворе таким достоянием была баба Нюра — почтенного уже возраста женщина. У неё «износилось тело», но не ум и не сердце: доброе, отзывчивое, разумное и пытливое. Жизнь со всеми её перипетиями умудрила бабу Нюру, что случается далеко не со всеми. Ведь не количество прожитых лет делает человека мудрым, мы в старости пожинаем лишь то, что посеяли в юности.

Бабу Нюру уважали, называя между собой «Миротворец» и «Дипломат», памятуя, как легко она умела примирять враждующих соседей.

Был у нас, конечно, и «страшный суд» — небольшая стайка старушек, любивших, сидя на лавочке, «перемыть косточки» всем мимо проходящим, они почему-то недолюбливали бабу Нюру и завистливо-язвительно называли «Святошей» и «Умачкой». А уж совсем презренные, съедая своё последнее здоровье завистью, злобно шипели вслед: «Артистка». На что разумная Нюра спокойно отвечала: «Всякое дурное дело с языка начинается».

Воспитанность и доброта сделали Нюру отзывчивой и сострадательной, а сильная воля и трудолюбие научили без роптания идти вперёд, невзирая на преграды; скрывать эмоции, не распахивая душу.

Независимая, самодостаточная, интеллигентная очень пожилая женщина, которая в силу жизненных невзгод стала зваться бабой Нюрой, действительно была одной из самых примечательных личностей нашего старого и всё-таки дружного двора.

Наши дома — это бывшие и настоящие коммуналки. Коммунальная квартира, где баба Нюра занимала большую светлую комнату, за долгие годы выдержала страшные баталии

за площадь. Тут были и драки с мордобоем, доносы, анонимки — одним словом, все средства, что хороши на войне. Но когда страна перешла на товарно-денежные отношения, то военные действия прекратились, и все жильцы стали копить деньги. Не обошёл неприятный вопрос и бабу Нюру, как только комната стала её собственностью. Дочка Катерина стала звать мать переехать жить к ним, а комнату сдавать — всё лишние деньги семье. Квартира у дочки большая, трёхкомнатная, но баба Нюра наотрез отказывалась:

— Не хочу на старости лет у зятя на шее сидеть, не хочу мелькать перед ним — ни к чему хорошему это не приведёт.

— А перед соседями мелькать не надоело? — сердилась Катерина.

— Надоело, но здесь мы все равны. Для меня свобода — главное, а вам я буду мешать.

— Зачем ты так? — обижалась дочка. — Зять тебя уважает, Лерка в тебе души не чает, а нам её ещё учить. Сама знаешь, какая нынче жизнь дорогая, — продолжала уговаривать дочь.

— Ой, дорогая, да, — соглашалась старушка, — но... не пойду. Не пойду, и разговор окончен.

Потом были попытки соседей выкупить комнату у бабы Нюры. Но она опять не соглашалась на переезд.

— Я здесь сыночка родила и отсюда его да мужа проводила, — утирая выступившие слёзы, не поддавалась на уговоры бабушка.

И нежно поглаживала зарубки — годовые отметки роста детей на дверном косяке.

Соседи и отставали.

К нашим дням в коммунальной квартире было спокойно. Мирно и почти по-родственному в трёх комнатах проживали всего четыре человека. Самую удобную комнату занимала баба Нюра. В средней жил Василий — слесарь из местного ЖЭКа. Тихий одинокий жилистый мужичок лет пятидесяти. В последнюю переехала пожилая пара, которая из-за проблем в бизнесе детей была вынуждена поменять отдельную

квартиру на коммуналку — спасали детей то ли от тюрьмы, то ли от сумы.

Однако жизнь идёт, и спустя несколько лет перед бабой Нюрой снова встал вопрос о продаже комнаты. Лерка выросла, замуж вышла, и молодые жить с родителями отказались. Снимали жильё, за которое по очереди платили родители. И собственная отдельная квартира для молодых стала мечтой всех родственников. Семьи встречались и обсуждали стратегию и тактику зарабатывания денег на дорогую покупку, и все с вожделением смотрели на комнату бабы Нюры.

Приходила Катерина к матери и жаловалась:

— Вот, приходится на трёх работах крутиться. Я не выдержу! Советовала Лерке поступать на экономический, всё заработок больше, так нет же — психология дочке понадобилась. «Наука развивающаяся и востребованная», — передразнивала она дочь, — горе-психотерапевт с зарплатой как пособие по безработице.

Лерка на такие обвинения обычно говорила, что экономистов и юристов сейчас как собак нерезаных, только везде опыт требуется.

— Так везде опыт нужен, — сомневалась баба Нюра и тут же переспрашивала: — А кто такой психотерапевт?

Внучка долго и научно объясняла. Бабушка задумывалась и подытоживала:

— Психика... Нет такого у человека. Человек состоит из духа, души и тела. Стало быть, душу лечишь? — И, вздыхая, горестно качала головой: — Ой, Лерка, тяжёлую ты себе профессию выбрала. Не страшно? Душа-то — она посерьёзней тела будет.

И, как только Лерка ни пыталась объяснить бабушке про свою профессию, да только больше её запутывала. Ну никак баба Нюра не могла понять, в чём разница между психологами, психиатрами и психотерапевтами. Поняла лишь то, что внучка её трудится в органах социальной защиты за небольшую зарплату. Так сказать, набиралась опыта, чтобы в дальнейшем открыть свою практику и оказывать людям помощь как психотерапевт. И очень Лерку жалела! Жалела за то, что та выбрала такую сложную и мудрёную профессию.

А Лерка слёзно просила бабушку продать комнату и переселиться к дочери.

— Бабушка, ну тебе с мамой легче будет, — канючила внучка, — нам как раз бы на первоначальный взнос хватило.

— С мамой-то всегда легче, — соглашалась Нюра, — а что такое первоначальный взнос?

Лерка досадливо махала рукой и уходила недовольная и раздражённая.

И снова приходила Катерина, с мужем и без.

— Мама, ну ты пойми, — доказывала дочь, — у тебя будет своя комната. Нас целый день нет дома.

— Не сяду я на шею зятя, — сердилась Нюра.

— Ну что ты говоришь? — негодовала дочь. — При чём тут шея? Он ведь так хорошо к тебе относится.

— Вот я и хочу сохранить добрые отношения.

— А заболеешь — мне к тебе бегать? — она нервничала, доказывала, чуть не плача, и, повернувшись к зеркалу, горестно вздыхала:

— Я сама уже почти старуха! Одни морщины, будь они неладны!

Баба Нюра ласково её обнимала:

— Что ты! Ты такая красавица у меня! А вот как заболею, тогда и решать будем.

Катерина хоть и сердилась на мать, но понимала, что матери одной действительно лучше. В старости любые перемены болезненны, не зря ведь старое дерево не пересаживают.

Загрустила и баба Нюра. Внучке помочь она, конечно, хотела, но ещё больше боялась стать обузой детям.

Катерина хорошая, добрая, и с зятем повезло: спокойный, серьёзный, всё для семьи, всё в семью.

Но кто из них знал, как часто баба Нюра ночами сидит у открытого окна и с грустью смотрит в тёмный двор, вспоминая. Пьёт чай на кухне и только под утро с трудом засыпает.

Никто не мог знать и о других проблемах старости, о которых обычно не принято говорить. Много чего не знали и не могли знать молодые для неё дочь и зять. Не дожили ещё. Даст Бог, доживут, тогда и поймут. Да и не хотелось ей показывать им неловкость и немощь старости во всей красе.

Нет, баба Нюра не унывала. Саму старость, сопутствующие ей болезни и слабости она принимала спокойно. Чем старше становилась, тем меньше проявляла эмоций. Она и молодая была рассудительна и умела принимать удары жизни как данность и неизбежность. Понимала, что всё происходит в нашей жизни для чего-то, нам неведомого, и не роптала. Молилась и верила, что за закатом всегда придёт рассвет. И даже когда погиб сын при исполнении интернационального долга, люди не видели её убитой горем. Верила, что у Бога все живы, и говорила о сыне как о живом.

Баба Нюра никогда не спорила, никого не судила. Спустя год после гибели сына невестка собралась замуж и написала об этом свекрови. Среди знакомых пошли пересуды: вот, мол, не успела схоронить.

«Ну и правильно, — отписала баба Нюра, понимая, что дело молодое, живое, — тебе полегче будет. Даст Бог, и сыночку твоему отцом станет».

И благословила. И рос усыновлённый внук далеко на Севере в полной семье, а баба Нюра молилась за них и мечтала полететь в гости на самолёте, но особо не приглашали, да и с каждым годом всё страшнее и тяжелее представлялся ей этот полёт.

А ещё баба Нюра много чем интересовалась, хотела всё знать. Любознательной была, как школьница. Не любопытной, а именно любознательной.

Глава вторая

Мысль, как помочь внучке собрать нужную сумму на первоначальный взнос, лишила бабу Нюру покоя. Уж очень ей хотелось помочь и избежать обид.

«Денег мне не накопить, даже если есть и пить не буду, но где же взять эти проклятущие деньги на первоначальный взнос?» — думала баба Нюра теперь постоянно и ещё меньше стала спать.

Не давала ей покоя и непонятная профессия внучки, и пошла она к старому доктору — бывшему участковому терапевту. Долгие годы жизни по соседству и всякие бо-

лезни, с которыми приходилось обращаться, сделали их друзьями.

— Объясни мне, Петрович, кто такой психотерапевт и чем он отличается от психолога, никак я в толк не возьму? — допытывалась она у старого глуховатого доктора. — Вот внучка работает психологом, а ещё хочет принимать больных как психотерапевт. Что она делать-то собирается? Что и как лечить?

Петрович долго жевал седые густые усы, то ли думал, то ли вспоминал.

— Ты, Нюра, в дебри-то не лезь. Не забивай себе голову. Уж тебе точно не нужен ни психолог, ни психотерапевт, — хитро выкрутился старый доктор и захихикал, — психических сейчас много, считай — через одного. А телевизор включи — там вообще все подряд.

— А где Лерка этих больных психов искать будет? — никак не унималась Нюра. — Не в телевизоре же ведь. Неужто люди сами пойдут и сами скажут, что они психи?

— Да психов психиатр лечит. Не пойдут они к твоей Лерке. Это другая категория больных, они ни в жизнь не признают себя психами. Это те, которых в смирительных рубашках в кино показывают. Видала? Да на кой они тебе сдались?

— Ой, — баба Нюра перекрестилась, — а как же Лерка найдёт не психов, которым нужен не психиатр, а психотерапевт, тьфу, язык сломаешь. И правда, шла бы на экономический. Права, наверное, Катерина, — и бедная старушка всерьёз испугалась за внучку.

— Да они сами к ней придут.

— Да с чем придут-то? — не понимая, сердилась старушка.

— Вот ты сына хоронила? — рассуждал доктор. — Хоронила, плакала, горе тяжело переживала?

— Ой, тяжело! И сейчас тяжело, нет-нет — да всплакну, всё понимаю, а как представлю... — баба Нюра махнула рукой и вытерла платочком заслезившиеся глаза.

— Вот, а психотерапевт помог бы тебе легче горе пережить, — подытожил дед, радуясь, что нашёл выход

из трудного вопроса. Он и сам-то толком не мог объяснить, в чём разница между ними.

— Как же это я пойду к незнакомому человеку горе выплакивать? — возмутилась баба Нюра. — Ни в жизнь! К священнику ходила — да. А кто же к Лерке-то пойдёт? Дитя неразумное. Что она знает и понимает?

— Ты, Нюра, успокойся, это целая наука. Твоя Лерка пять лет училась, а знания — это сила! Все болезни от нервов, — Петрович назидательно поднял вверх скрюченный артритом указательный палец, акцентируя на этом внимание, — в здоровом теле — здоровый дух, — радостно закончил свою мысль хитрый дед.

— Сам себе противоречишь, — ворчала Нюра, устав от непонятного разговора. — Сам же сказал, что все болезни от нервов, а значит, у здорового духа здоровое тело.

Потом они пили чай с малиновым вареньем и думали, как помочь Лерке найти здоровых психов для психотерапии.

И порешили, что будет Петрович «подгонять пациентов» Лерке через бабу Нюру.

Но как только закрылась дверь за бабой Нюрой, Петрович сладко уснул в своём кресле и, проснувшись, как всегда, уже обо всём забыл.

Глава третья

Первый «пациент» подвернулся бабе Нюре совсем случайно. Настолько случайно, что она и не подумала о нём как о «пациенте». Желание помочь от всего сердца, видя чужие слёзы и горе, не оставило её, как водится, равнодушной.

Возле детской площадки, что стояла в центре двора, немного в стороне росли раскидистые ивы. Они низко опустили свои ветви-косы, создавая тень и прохладу, а под ними стояли скамейки, где днём сидели мамочки с колясками, а вечерами бедокурила молодёжь. И вот как-то днём баба Нюра, возвращаясь домой, услышала женский плач.

На скамейке сидела Дашка из соседнего двора и слегка покачивала коляску, а рядом с ней рыдала женщина постарше

и сквозь слёзы, периодически сморкаясь в мокрый платок, причитала.

Старушка тихо подошла, села рядом. Не могла баба Нюра пройти мимо таких горьких слёз.

— Что с тобой, милая? — участливо спросила.

— Ой, баба Нюра, — запричитала Даша, — это подружка моя, муж её к секретарше ушёл. Представляете?

Бабе Нюре доверяли. И при плачущей подруге Дашка бесцеремонно стала рассказывать трагедию её семейной жизни. История банальна и проста, но когда любишь и доверяешь, то это подобно убийству, и горе от предательства пережить непросто.

— Ты поплачь, поплачь, — тихо приговаривала старушка, ласково поглаживая незнакомую женщину по плечу, — горе всегда выплакать надо, чтобы не затвердело в душе.

— Да я уж все слёзы выплакала, — прошептала, — идти надо, а как я такая зарёванная людям покажусь?

— Пойдём ко мне, умоешься, чайку попьём, успокоишься и пойдёшь куда надо, — Баба Нюра поднялась.

Подруга удивлённо посмотрела на Дашу, та кивком дала согласие:

— Иди-иди. Баба Нюра — свой человек. Мы тут все к ней ходим, она нам как психотерапевт, потом спасибо скажешь.

И это была чистая правда. Когда горе — шли к бабе Нюре поплакать. Когда дети бедокурили — шли за советом. Когда в семье разлад — тоже шли к бабе Нюре. Не забывали и в радости.

«Батюшки, — думала она, идя к подъезду, — я, оказывается, психотерапевт! Вот чудеса!»

Ещё недавно и слов-то таких не знала, а сегодня она, оказывается, для всех психотерапевт! И правда, чудны дела Твои, Господи!

Пока гостья, которую звали Татьяной, умывалась и приводила себя в порядок, баба Нюра готовила свой фирменный чай. Немного заварки, чабреца, душицы, мелиссы — всё это заваривала крутым кипятком в металлическом чайнике и ставила на огонь. Главное — не дать закипеть. Настоять десять минут, а потом добавить несколько капель коньяку.

Не берусь судить о ценности этого напитка, но действовал безотказно.

Круглый старинный дубовый стол баба Нюра застелила белой льняной скатёркой. Достала нарядные чашки императорского фарфорового завода, хрустальные розетки наполнила вишнёвым вареньем и янтарным мёдом. Положила на тарелку нарезной батон и постное печенье.

Всякий знает, что старикам не хватает общения, но не все догадываются, что старикам важнее быть полезным кому-либо. Вот и суетилась баба Нюра, как Мать Тереза, готовая прийти на помощь любому в беде. Тем более не чужой человек — Дашина подружка, а Дашутку-то Нюра с пелёнок знала.

И вот за чаем Татьяна разговорилась:

— Я, как её увидела, поняла, что серьёзно. Она молодая, худенькая, высокая, а я как квашня, как вареник.

— Какая же это красота — худая и длинная? — искренне удивилась баба Нюра. — И ты не вареник, а приятная мягкая женщина. Тёплая, уютная. А когда замуж выходила, такая же полненькая была?

— Да я с рождения такая, — с удовольствием отхлёбывая вкуснейший чай из красивой чашки, ответила Татьяна, — и он меня такую полюбил, а теперь я толстая, старая, — и снова в слёзы.

— Поплачь, поплачь, — успокаивала её баба Нюра, — дело не в росте и не в весе. Мужчины просто народ такой, им доверять нельзя, но и обижаться на них тоже не стоит. И тем более так горевать.

И опять: «Поплачь, поплачь».

И Татьяна вместе с потоком слёз выливала на бабу Нюру своё женское горе.

И винила во всём годы, что стёрли её былую привлекательность, а со всех сторон сдвигают тебя на обочину молодые да красивые, модные да раскованные, беспринципные и хищные.

— Ты, Татьяна, красивая, зря себя не ценишь, — подвела её к большому старинному трюмо бабушка, — молодёжь во все века нам в спину дышит. Но каждый возраст надо прожить, и в каждом есть своя красота.

Задумалась и рассмеялась:

— Наверно, и в моём есть своя красота, — и горько усмехнулась.

— Смотри, какие у тебя плечи, как у Элен Безуховой. Щёчки как яблочки. Да ты красавица! — восхищённо говорила старушка, внимательно присматриваясь к Татьяне. И, взяв её лицо руками, неожиданно профессиональным движением повернула к свету.

Татьяна заворожённо следила за ней. Удивительным оказался разбор внешности молодой женщины, с которым баба Нюра её разглядывала.

— А вы где работали? — вдруг спросила Татьяна бабу Нюру.

— Да много где. За мою длинную жизнь разве упомнишь, — уклончиво ответила Нюра и посадила гостью на стул у окна. И совсем уж внезапно начала священнодействовать над её внешностью. Чем-то протёрла лицо, оттенила скулы, припудрила и накрасила губы. Маленькой щёточкой причесала и как будто приподняла брови. Волосы распустила и откинула назад, слегка начесав на затылке. Достала из шкафа серый шарфик из тонкого прозрачного с люрексом шёлка и небрежно накинула на плечи.

— Ну и стоит ли такой красавице убиваться, что какой-то глупый муж увлёкся тощей и длинной секретаршей? — баба Нюра улыбалась, довольная своей работой.

— Помада должна быть яркая, красная, без коричневых и бордовых оттенков, она подчеркнёт твои белые зубки и чистую кожу лица. Глаза не крась — они и без того горят. Волосы слегка подстриги и открой лоб — он у тебя ровный, высокий — породистости прибавит. Тёмное сними — не старуха ещё. Ну, смотри, — и гордо повернула Татьяну к зеркалу.

Из тусклого старинного трюмо на Татьяну смотрела совсем другая женщина — действительно красивая, яркая и уверенная в себе. Серый лёгкий шарфик с люрексом чудесно сочетался с чёрными волосами, красной помадой и светлой кожей. Из приоткрытого шкафа виднелась коробка с принадлежностями для грима.

— Да вы, баба Нюра, волшебница!

И старушка, довольно улыбаясь, усадила Татьяну на диван:

— Поплакала и хватит. Не стоят мужчины того, чтобы из-за них слёзы лить. Вернётся ещё. Они ведь, как коты, к дому привыкают: к своему диванчику, креслу и даже к туалету. — Две женщины весело рассмеялись.

Баба Нюра вздохнула:

— Себя уважать и ценить надо. Похоже, что в своей ревности ты перегнула чуток. Он за новыми ощущениями побежал. Побегает, да скоро надоест, и вернётся. Совместная жизнь — это ведь серые будни, одно и то же каждый день и у всех одинаково. Мужчин надо встряхивать — подумай как.

Старушка вздохнула, вспоминая что-то своё, давнишнее... Татьяна сидела рядом и чувствовала, что душа успокаивается и беда уже не кажется такой горькой.

— Он ещё вернётся, и тебе решать: простить, принять или прогнать. Женщины ведь, когда отболит, обо всём забывают, а мужчина всех, кого пометил, помнит. Так они устроены, ну как коты. Свет в знакомом окне может вернуть память и все былые чувства. Другая природа, совсем другая.

— А как простить-то? — шёпотом спросила Татьяна.

— Это ты сама решай. Стоит ли и ради чего? Простить нужно, а вот забыть... Может, тоже стоит.

Старушка задумалась.

— А может, и нет. Тебе решать. Ты женщина видная, сейчас в самом соку — кровь с молоком. Ишь, нашла красоту: худая и длинная. Тебя природа такими формами наградила, что мужчины, поди, взглядами провожают.

Татьяна, соглашаясь, рассмеялась.

— Квартира есть, работа есть, родители живы. Детёныш есть — да ты богачка, всё у тебя есть, — и строго добавила: — Дитёнка отца не лишай. Мужчина может перестать быть мужем, а отцом обязан остаться. Но и ради малыша не стоит жить вместе. Дети ложь и неискренность чувствуют, как щенята. Их не обманешь. Ты главное запомни: что бы в твоей жизни ни случалось, какие бы искушения судьба ни предлагала — никогда не делай того, в чём потом каяться придётся.

Баба Нюра устало откинулась на спинку дивана и закрыла глаза. Щёки у неё разрумянились, седые прядки выбились из-под косыночки.

— В зеркало реже смотрись, да реже недостатки выискивай. Ходи как первая красавца. Спину выровняй и иди, как артисты ходят по красной дорожке. Сейчас всё больше кривляются да жеманятся, а раньше несли себя. Или вот фигуристка, как её — забыла, с кривенькими ножками — неказиста, а как выйдет на лёд да как станцует! Глаз не отвести. Мы не то, что мы есть, мы — то, что о себе думаем, какими себя представляем. Ни одна роковая женщина не была красавицей, вот так-то.

Татьяна смотрела на морщинистое, ставшее для неё милым, лицо, на глаза, когда-то голубые, а сейчас выцветшие, но живее многих молодых да ярких, и чувство благодарности и тепла переполняло её сердце. Она доверилась незнакомой пожилой женщине, и та за одно чаепитие вернула её к жизни.

«Вот в чём очарование и предназначение почтенного возраста», — подумала Татьяна, крепко обняла удивительную старушку и поцеловала в сморщенную щёку.

— Не знаю, как и благодарить вас, баба Нюра, спасибо сказать — кажется, так мало, — Татьяна сняла шарфик с плеч.

— Оставь себе, будет вешкой твоей будущей счастливой жизни — поверь мне, старой, — устало улыбнулась старушка.

Глава четвёртая

Проводив гостью, прилегла баба Нюра на диван и задремала. Как будто и спала, но в голове живыми картинками прокрутилась вся её долгая нелёгкая жизнь.

Нюра, раньше её звали Анной, а в детстве Анюткой, мечтала стать артисткой. Отец ставил Анютку на табурет, и она пела, читала стихи, театрально взмахивая при этом руками. Все хлопали, она низко кланялась, представляя сцену и медленно опускающийся тяжёлый занавес. Школьная самодеятельность, драмкружок и кружок шитья. Красивые наряды тогда не продавали, а шить на заказ для скромного бюджета семьи было не по средствам. И Анютка собирала выкройки

из журналов и календарей и перекраивала старые мамины и бабушкины платья.

Поступала в разные театральные институты и студии она три года подряд, но срезалась. Решив, что талантом недотягивала, смирилась, но любовь к искусству победила, и она, чтобы работать в театре, окончила курсы гримёров, а потом и костюмеров. Самой радостной для Анюты стала возможность бывать на спектаклях, ведь за время представления ей приходилось поправлять грим артиста, а то и вовсе новый накладывать.

Близко видела знаменитостей и уже не грустила из-за того, что не стала артисткой. Насмотрелась на их сложную жизнь и непростые взаимоотношения.

Помыкавшись в Москве, вернулась домой и работала гримёршей, а иногда и костюмершей в местном драмтеатре. Работящая, неконфликтная, всегда жизнерадостная, она сразу пришлась ко двору и полюбилась всему коллективу. Закулисная жизнь местного драмтеатра мало чем отличалась от столичного. Та же борьба за лидерство, роли, зависть, сплетни, романы... И частым лекарством от неспокойной профессии здесь, как и везде, был алкоголь. Зрители видят спектакли, а Аня наблюдала тяжёлый, совсем не щедро оплачиваемый труд, а заодно интриги и страсти, вспышки честолюбия, некрасивые поступки, продиктованные завистью и тщеславием, и понимала, что она с её мягким миролюбивым характером вряд ли выжила бы в таких жёстких отношениях, будь она артисткой.

Насмотревшись на страсти, кипевшие в театре, дала себе зарок никогда не связываться с актёрами. Но спустя несколько лет в театре появилось молодое, подающее надежды дарование. Этакий современный загадочный противоречивый Печорин. Таким он себя, как теперь говорят, позиционировал, на самом же деле это был слабый, завистливый и зависимый человек. Но Анна не сразу разглядела его пустоту и, поддавшись наигранному зову красивых карих глаз, бросилась как в омут головой в новое чувство. Молодому актёру также приглянулась смешливая жизнерадостная гримёрша и костюмерша в одном лице, которая была старше, но это ему

даже нравилось. И завязались тайные отношения. А от тайных связей часто появляются дети, что и случилось у Анны с молодым актёром. Боясь всесильного в те годы профкома, трусоватый современный Печорин быстро сделал предложение, и ещё одна ячейка общества стала биться бортами о быт, предательства, измены и другие коллизии человеческих отношений.

За несколько дней до рождения сына директор театра выбил для молодых комнату в коммуналке, и рождение первенца отпраздновали шумно и радостно. И вот тут Анна наконец-то увидела, насколько её законный непризнанный гений слаб и охоч до выпивки. Роли молодое дарование не получало, и, как оказалось, таланта у загадочного актёра не выявилось. Он играл в действительности, его сценой была реальная жизнь, а находясь на сцене, он исполнял роли тяжело и неестественно. Лучше всего ему удавался образ Деда Мороза в новогодних утренниках, где после изрядной «заправки» алкоголем его кривляния и громкий голос были уместны.

На работу Анна вышла через два месяца после родов. Театр, ясли, детские болезни, бессонные ночи, отсутствие денег превратили до этого яркую и светлую её жизнь в выживание. А непризнанный гений, надевший маску Печорина, заливал своё горе большими дозами спиртного.

Не знала Анна, что страсть к алкоголю соседствовала в муже со страстью к женскому полу. Не слышала шепотков за спиной и не видела насмешливых взглядов недобрых жрецов театральных муз. Чистая душа, раз сама не грешна, об этом и не подумает. Узнала, когда носила дочку. Не выдержала, сорвалась. Кричала, ох как кричала, обвиняла да плакала-рыдала...

Не по нраву пришлось такое поведение тонкой душе непризнанного гения, он быстро и обиженно собрал чемодан и убрался восвояси. То есть к новой пассии.

Катерина родилась в срок здоровой и спокойной девочкой.

Как же тяжело было Анне в то время!

После предательства мужа не захотела она больше оставаться в театре. Да и на одну скромную зарплату было не прожить. Раньше ещё, до замужества, подрабатывала

она шитьём, а теперь, с двумя малолетками, на это времени не хватало. И, чтобы выжить, устроилась Аня на молокозавод, куда привела её соседка по коммуналке. Всегда дома для детишек и маслице, и сливочки, и сметанка. Носила с завода, как все: молоко и сливки во фляжках на поясе, творог совала в чулки и тоже вокруг пояса. Недорого продавала соседям да знакомым. Хорошо это или плохо — не нам судить. Надо было жить и кормить детей. Жизнь пройти — не поле перейти. На заводе среди рабочего люда Анну стали звать Нюрой.

Когда Катерина пошла в первый класс, вернулся блудный муж. С виновато-испуганными глазами просил прощения. Остыла боль с годами. По-женски пожалела и поставила в углу комнаты раскладушку. Устроился сторожем. Злой и обиженный непризнанный гений прожил недолго. Пить не пил, своё, наверное, уже отпил. Ушёл тихо, во сне. Провожала, как и положено жене хоронить мужа.

* * *

И театр, и любимая работа гримёрши остались для Нюры в далёком прошлом, которое, вспыхивая яркими воспоминаниями, вызывало в её душе тоску и боль, но привычка разглядывать людей и подмечать характерные черты не пропала. Из всего многогранного ремесла гримёра остались у Нюры только навыки визажиста, и «делала лицо» она в своё время не только жителям коммуналки, но и всему району.

Как-то внучка радостно вручила бабушке набор для грима и подставила своё озорное личико...

— Внучка, — вспомнила вдруг баба Нюра и проснулась, — как же это я главное забыла!

Заволновалась, корила себя, что не предложила Татьяне услуги своей образованной внучки.

— Вот голова-то дырявая, — вздыхала она весь оставшийся день.

Глава пятая

Татьяна медленно вышла из подъезда и, вспомнив наставления бабы Нюры, выпрямила спинку и подняла вверх подбородок. Плакать уже не хотелось, но слова доброй жен-

щины о том, что она «перегнула чуток», сверлили мозг. Она понимала, что перегнула не чуток. Как сердцем почувствовала, что муж охладел к ней, такие скандалы закатывала — хоть из дома беги! Вот и убежал...

«Ну ничего, теперь буду умнее», — думала она дорогой домой, вспоминая, как баба Нюра говорила: «Ты запомни, в гневе и обиде меньше говори. Не пачкай душу нехорошими словами, да и что ты нового можешь сказать? Всё уже до тебя переговорено. Молчанием можно больше и громче высказать, ведь слова что ветер: голова от них болит, и только, да не воротишь. И не исправишь, а промолчишь — никогда не пожалеешь».

«Ничего ведь нового не сказала, — думала Татьяна, — а мысли мои на место поставила. Мудрая старушка. Повезло Даше, что такая бабушка рядом живёт».

И подумала, что надо бы как-то отблагодарить удивительную бабулю. А ещё о том, что хорошо было бы привести к бабе Нюре главного бухгалтера — там в отношениях всё так запутано и запущено...

Дашка знала, что когда-то, очень давно, баба Нюра работала в театре гримёршей. Но когда увидела преображённую Татьяну, удивилась. Она и подумать не могла, что какая-то старая, по её мнению, бабка способна составить конкуренцию современным визажистам и парикмахерам.

— Баба Нюра, пожалуйста, сделайте мне лицо, как Тане, — уже утром следующего дня Дашка стояла на пороге коммуналки и умоляюще смотрела на бабушку. А в предприимчивых её мозгах просчитывалась сумма благодарности.

И очень скоро у Дашки было «новое лицо».

Молодой простушке, которая слепо следует моде и верит всему, что пишут в модных глянцевых журналах, ориентироваться сложно. Не задумываясь, носят дурёхи узкие брови в одном сезоне, широкие — в другом, а в третьем их вообще сбривают. То французский маникюр, то маникюр со стразами. Все как одна. И мало находится умниц, которые предпочитают свою индивидуальность и не подчиняются веяниям моды. Ведь слово «мода» означает «то, что умеренно, скромно», произошло оно от латинского modus: «манера», «правило, мера».

«Новое лицо» здоровой молодухе сделать было нетрудно, а вот с волосами пришлось повозиться.

Дашка уходила довольная и несмело протянула бабе Нюре зажатую в кулачке тысячу рублей.

— С ума сошла, чтоб я у тебя деньги взяла? Спрячь немедленно! — старушка замахала руками.

— Нет, баба Нюра, если не возьмёте — обижусь. Может, я ещё к вам обратиться захочу, а не возьмёте, как приду? — настойчиво бормотала, сконфузившись, Даша и что-то ещё лепетала про труд, который должен быть оплачен.

Положила купюру на стол и убежала.

Баба Нюра сперва как-то расстроилась, а потом вдруг вспомнила про Лерку и шутливо взмахнула купюрой над столом, как это делают торговки на рынке, достала обувную коробку и со словами: «С почином на первый взнос» — аккуратно положила в неё денежку.

Глава шестая

Через несколько дней баба Нюра и Татьяна с удовольствием пили фирменный чай за круглым столом с белой скатертью. Татьяна одарила полюбившуюся ей старушку пачкой дорогого чая и шикарным набором для грима известной фирмы в красивом боксе.

— Эх, мне б такой набор тогда в театре, — любовалась разнообразием красок, кистей, карандашей и других необходимых предметов Нюра.

А Татьяна рассказывала, что муж просит простить его и хочет вернуться домой.

— Что мне делать? — спрашивала она. — Не приму — жалеть буду, а приму — вспоминать.

Баба Нюра глубоко вздохнула:

— Здесь, милая, только ты сама принимаешь решение. А вспоминаться будет. Обнимет тебя ночью, сердце забьётся, и... вспомнишь. — Она задумалась. И тут же весело продолжила:

— А вспомнишь, покажи язык или фигу бывшей сопернице и подумай: «А он мой!» — и любитесь себе дальше. Не убыло ведь.

И две женщины громко рассмеялись, представив, как это может выглядеть на самом деле.

— Понимаешь, тут ведь вот в чём главное, — уже серьёзно продолжила баба Нюра, — он отец вашего ребёнка. Пока дитя малое — проблемы малые, а вырастет — проблемы тоже вырастут. Родной-то отец всё стерпит. А чужой? Трудное дело — жизнь, но идти надо. Первый-то — он от Бога, говорят.

— А если приму, а потом вдруг пожалею? Как правильно выбор сделать? — Татьяна внимала каждому слову.

— А жалеть ни о чём никогда не надо. Жалей не жалей — былого не воротишь. А как выбор сделать? Это смотря в чём: где сердце надо слушать, а где — разум. Тебе сейчас надо и сердце послушать, и разум включить. В жизни — как в сказке: ехал добрый молодец, а перед ним три пути. И какой выбрать? Остановись и подумай. И как в сказке: никогда не думай на ночь. Утро вечера всегда мудренее. А денёк подумала, второй подумала, помолилась и иди дальше не торопясь по выбранной дороге.

— А если неправильно, а если ошиблась? — допытывалась Татьяна.

— А откуда ты знаешь, что ошиблась? А? — баба Нюра многозначительно качнула головой. — Ты же другой жизнью не жила, по другим дорожкам не ходила. Ежели недалеко ушла, можно и вернуться, а ежели уже далеко — то руби, расчищай себе путь, дорога жизни ровной не бывает. Всю жизнь ведь прыгаем, как лягушки в крынке.

Долго ещё сидели две женщины и говорили о женском счастье, о котором мечтают и молодость, и старость.

— Ну что, — баба Нюра осторожно взяла новый набор, — пробовать на тебе будем? — и усадила Татьяну на стул у окна.

За последние дни, с появлением в её жизни молодых, баба Нюра чувствовала себя помолодевшей. Забыла про годы и усталость, и её неугасимый интерес к жизни запылал ещё ярче. Она с удовольствием колдовала над Таниным лицом, и старые выцветшие глаза азартно блестели.

Прощаясь, Татьяна незаметно положила на трюмо пятитысячную купюру и попросила встретиться с её главным бухгалтером, у которой в жизни всё кувырком. Крепко обняла

добрую старушку и решительно отправилась на свидание к мужу. Она всё-таки решила простить его, а если что, то покажет язык или фигу, и будут они жить-поживать дальше.

Глава седьмая

И у бабы Нюры началась новая жизнь.

Дашка растрезвонила своим подружкам и всем в детской поликлинике, что у них во дворе недорого, но «страшно профессионально бывшая гримёр Большого театра сделает из любой уродины красавицу».

Идти к бабе Нюре с первым предложением подготовить к юбилею заведующую детским садом, где она числилась в декрете, Дашка боялась. Но рискнула. Уж очень ей хотелось угодить своей начальнице. И совсем неожиданно баба Нюра согласилась.

Пришла главный бухгалтер — полная дама «ягодка опять», запутавшаяся между двумя бывшими мужьями и новым любовником. И захватила с собой подружек.

Баба Нюра поняла, что если она будет принимать Дашкиных и Татьяниных подружек стихийно, то её здоровья не хватит, и организовала три рабочих дня в неделю. Были, конечно, исключения, но не часто.

Встречаясь с людьми, баба Нюра и сама встрепенулась, поработала над собой: покрасила и подстригла волосы, купила себе новое платье. Навела идеальный порядок в комнате. Жизнь её наполнилась смыслом, и она даже чувствовать себя стала моложе.

Коробка из-под обуви незаметно наполнялась, а пачки чая, бутылки коньяка и другие гостинцы баба Нюра прятала на антресолях — подальше от глаз дочки и внучки, надеясь, что те ни о чём не узнают.

Но, как известно, земля слухами полнится, а молва впереди нас бежит. Однажды в дом ворвалась Катерина и с порога закричала:

— Мама, ты на старости лет из ума выжила? Свалиться хочешь? В твоём-то возрасте! Бывший гримёр из Большого театра — лучший психотерапевт в городе! Это же надо такое

придумать? Мне об этом рассказывали, да я не поверила, подумала: другая старуха чудит! А как услышала — психотерапевт баба Нюра! — дочь возмущённо всплеснула руками. — Про тебя уже легенды по городу ходят! Хочешь, чтобы к тебе налоговая нагрянула?

— Не для себя, для Лерки старалась, помочь ей хотела, — бормотала, оправдываясь, баба Нюра, а потом тоже сорвалась на крик: — Тебе бы хорошо было, чтобы я лежала и помирала? Я людям нужна! Мне жить интересно стало!

Катерина устало подошла к матери и обняла её.

— Мама, за таким приливом сил может всякое случиться, я не хочу тебя потерять.

— Так это обязательно случится, уж лучше уйти счастливой, а не дряхлеть перед телевизором, — баба Нюра весело подмигнула: — Я ведь всем говорю, что после меня пусть к Лерке моей ходят, что она шибко умная — вся в меня, да ещё и учёная.

Она, правда, утаила, что когда всем предлагала обращаться к Лерке, то от предложения отмахивались и говорили, что ходили ко всяким и как-то не складывалось. Что у неё лучше всех.

Баба Нюра всем этим несчастным женщинам была действительно и мать, и бабушка, и психотерапевт. Жизненный опыт и умудрённость, которой мало кто мог похвастать и в её годы, помогали находить правильные ответы на сложные жизненные вопросы. Ведь были у многих, кто приходил к бабе Нюре, добрые матери и бабушки, но есть вещи, которые не скажешь родным. А главное — мы жалеем их, своих постаревших уставших матерей и тем более бабушек и скрываем от них болезни, сердечные раны и другие свои проблемы.

А у необыкновенно доброй и жизнерадостной, а главное — чужой и очень мудрой старушки с ямочками на щеках, в уютной комнате за круглым столом с белой скатертью и вкусным чаем, они позволяли себе расслабиться и раскрыться.

Главным достоинством бабы Нюры было то, что она умела участливо слушать. И ни о ком, даже о блудливых мужьях и коварных соперницах, не говорила плохо. И их жалела, ведь и им за всё платить в жизни приходится.

Все у неё были красавицы, и все были необыкновенные. И она не лукавила, действительно людей воспринимала так. Вот и тянулись они к ней.

Молча, с важным видом, баба Нюра протянула Катерине обувную коробку, на крышке которой была приклеена картинка из какого-то рекламного листочка о продаже квартир и красными чернилами написано: «На первый взнос». Затем, вздыхая, очень осторожно полезла на стремянку и театрально распахнула дверцы антресолей. Там в ряд стояли несколько бутылок коньяка и аккуратно сложенные пачки чая.

— Все не отдам, «пациентов» угощаю чаем, но бери сколько хочешь себе и Лерке, — гордо свысока смотрела на дочь Нюра.

Катерина засмеялась и расплакалась одновременно. Сели на диван, и дочь обняла постаревшую маленькую мать за плечи и, покачивая, как ребёнка, говорила: «Как же я люблю тебя, мама!»

* * *

На следующий год, на пике своей деятельности, баба Нюра занемогла. Всё, как она говорила, имеет своё начало и свой конец. Это был ещё не конец. Но принимать «пациентов» стало тяжело. Ей звонили, её проведывали и, как она говорила, умирать не давали.

Некоторые действительно позвонили Лерке — Валерии Михайловне — психологу кризисного центра в отделении социальной защиты. Баба Нюра всё-таки выполнила то, о чём мечтала: она «подогнала» внучке «пациентов»! И из Лерки получится хороший специалист. Ведь образование какое — пять лет училась! А главное — замечательная бабушка вкладывала душу в воспитание внучки и сеяла честное, доброе и справедливое, а что посеешь, как известно, то и пожнёшь.

Денег в коробке на первый взнос, конечно же, не хватило, но подарок на новоселье получился хороший!

28.10.2018

Иаков Липянский

г. Рига, Латвия

МЫ ИМЕЕМ С ТОБОЙ ТОЛЬКО ТО...

Мы имеем с тобой только то,
Что отдали мы в жизни другим.
Не возьмём мы с собой ничего
И земное оставим земным.

Из земного возьмём мы любовь,
Что имеем от Господа к людям.
На Суде не осудит нас Бог,
Если мы никого не осудим.

Если жизнь полагали за брата,
Божией правде служили с тобой, —
Мы на свете с тобой жили свято.
Только это возьмём мы с собой.

14.06.2009

МОЙ ДЕДУШКА

Мой дед герой — он воевал.
Берлин простым солдатом брал.
Медалей грудь его полна,
Есть среди них и ордена.

Дед конником и пешим был,
Фашистов беспощадно бил.
Горжусь я дедом: он герой.
Он крепкий, хоть уже седой.

Он о войне вёл свой рассказ,
А слёзы капали из глаз.

Потери, горечи утрат
Остались в памяти солдат.

А в памяти святой его,
Родного деда моего,
Глаза рыданием полны
За тех, кто не пришёл с войны.

Храню медали, ордена,
Всё, что оставила война.
И верю, что мой дед-солдат
Глядит сейчас из Божьих Врат.

И молится за нас с тобой —
Солдат Иван — святой герой!

13.07.2009

А ИСТИНА ПРОСТА

Сказка — ложь, да в ней намёк —
добрым молодцам урок.

Зыбок мир, любовь зыбка —
Близится развязка.
Да, душе моей близка
Бабушкина сказка.

Летописи нет милей,
Более правдивой —
В сказках русских дуралей —
Всех мудрей, счастливей!

С летописи что нам взять?
Истину простую —
Надо нам любить как мать
Сторону родную!

НА ВОЙНЕ

На войне, на жестокой войне,
Кто-то выжил, а кто-то и не...
Инвалидом вернулся домой —
Без ноги, без руки, но живой.

Искалечила души, тела,
За собой в смертный бой увела.
Днём и ночью мать сына домой
Пождала, обливаясь слезой.

А солдат изо всех своих сил
Материнской молитвою жил.
Возвратился с похода седым,
Уходя на войну молодым.

Он в кромешном аду не скулил,
Веру, Родину сильно любил.
Ни врагов, ни себя не жалел
И в бою был отважен и смел.

Думал, выжить как, дотерпеть,
Песню жизни достойно допеть.
Приподняться высоко над злом,
Чтоб войти в небеса, отчий дом.

На войне, на жестокой войне,
Кто-то выжил в кровавом огне,
Кто-то в небо ушёл, приняв бой,
Не пришёл, не вернулся домой.

16.11.2010

МНЕ Б УМЧАТЬСЯ

Мне б умчаться туда, где снега,
Где земное у самого неба,
Где достану рукой облака;
Запах яблок, душистого хлеба.

Мне б умчаться туда, где вздохну,
Где легко, где свободным я стану
И крылами, как птица, взмахну,
Полечу и летать не устану.

Мне б умчаться туда, где брега
Омывает безбрежное море;
Где нет зависти, нету врага,
Плачут в радости, а не от горя.

Мне б умчаться, где тяжки труды,
Но легко на душе в самом деле;
Где богаты плодами сады,
А плоды те весною поспели.

Мне б умчаться туда, где полынь,
Ветер тёплый пшеницу качает...
Слышу голос: «Сынок, не остынь!»
Небо радугой душу венчает.

10.11.2010

Фаина Нестерова

г. Чайковский, Пермский край

БЕЛЬЧОНОК ЯША

Ностальгирую по старым временам, когда мы с мужем, два дипломированных специалиста, по распределению приехали на работу в село. Муж окончил сельскохозяйственную академию, очень любил лошадей и теперь окунулся в свою стихию.

Будучи студентом, он занимался конным спортом, на соревнованиях брал призовые места, был любимцем ипподрома. Болея за него, зрители скандировали: «Пушкин! Давай!» (был кудрявый, носил бородку и бакенбарды).

И вот теперь средством передвижения для него была не машина, а любимая осёдланная лошадь. А моей радостью была сельская школа и не избалованные городской цивилизацией скромные, непритязательные, любознательные и благодарные дети.

Нам выделили однокомнатную квартиру, в которую мы въехали с двумя студенческими чемоданами и двухлетним сынишкой, которого я поторопилась родить на четвёртом курсе. Так началась наша самостоятельная жизнь!

Мы ухитрялись жить на наши очень скромные зарплаты. Все тогда жили так. Не было никакой зависти. Да ведь на наши зарплаты мы могли съездить на море. Каждый имел возможность получить бесплатную путёвку на курорт. Все дети были охвачены летним отдыхом в пионерских, спортивно-оздоровительных или школьных лагерях.

А в Москву и Ленинград ездили за покупками. Хотелось купить что-то оригинальное из одежды для себя и для детей. И не было проблем, денег хватало и на билеты, и на покупки. Редкий год проходил без таких поездок.

Всякий раз, бывая в Москве, я непременно шла на птичий рынок. Кого только я оттуда не привозила! В одну из поездок я приобрела там парочку волнистых попугаев

и совершенно очаровательного маленького бельчонка. Бельчонок стоил семнадцать рублей.

На семейном совете шустрого бельчонка окрестили Яшей. Зверёк быстро освоился и почувствовал себя полным хозяином. Аппетит у него был отменный, а потому он хорошо рос и всё светлое время суток резвился.

К моменту приобретения Яши мы уже перебрались в двухуровневую квартиру. Места было много. Наш любимец носился без устали по двум этажам. Он был активным участником всех наших семейных дел, «помогал» каждому, чем мог.

Если мы садились пить чай, Яшенька торопился захватить в свой «ювелирный» кулачок сухую заварку и попробовать её на зуб. Дегустировал всё подряд! Однажды я сливала в трёхлитровую банку горячее варенье, так он и туда сунул свой любопытный нос.

На кухонном окне стояла стеклянная большая ёмкость, на треть заполненная сахарным песком. Приехавшая в гости бабушка вдруг кричит: «Это что такое тут у вас творится?!» Прибегаю и вижу, что наш зверь залез в банку и купается в песке.

А уж что творилось, когда ко мне приходили мои девочки-школьницы! Я сама делала стрижки своим шестиклашкам. Яша ухитрялся посидеть и на головах моих «клиенток», и на ножницах с расчёской.

Однажды я пришла из школы и застыла в недоумении посреди комнаты: на окнах не было ни одного цветка. В горшках была только земля, а растения, словно лезвием, были срезаны под корень.

Мой бездельник меня не встречал. Я начинаю его искать, окликать по имени. И вдруг его хитрая мордочка свешивается с шифоньера. Я встаю на стул и обнаруживаю на верху шифоньера у самой стены шикарное гнездо из моих домашних растений.

Этот маленький хулиган вытворял такое, что его давно бы следовало посадить в клетку, но было жалко ограничивать его свободу. Ему всё сходило с рук.

Когда к нам кто-нибудь приходил, Яша очень любил с шифоньера слететь на гостя и прыгать по телу, как по дереву

вокруг ствола. И поймать его было невозможно. Как-то в гости приехал дед, так чуть от испуга не умер от такого трюка.

Он ничего не мог понять, хочет стряхнуть этого летающего молнией зверька, да не тут-то было! Мы кричим: «Дед! Не бойся! Это белка». Дед еле оклемался.

Однажды, вернувшись с рынка, я имела неосторожность покормить любимца орешками из пакета, который потом при нём поставила в кухонный шкаф. Яшенька просыпался с восходом солнца. Его трудовая деятельность начиналась ещё задолго до нашего подъёма.

Видимо, он крепко проголодался и решил не дожидаться, когда хозяева его накормят. Он прекрасно помнил, где спрятан пакет с орешками и семечками. Когда я, проснувшись, зашла на кухню, обнаружила на полу около шкафа опилки и дыру на дверце шкафа. Весь пол был усыпан скорлупой от орехов и лузгой от семечек. У маленького вредителя было отличное настроение. Он словно гордился, что мог сам разобраться в такой сложной ситуации.

А как красиво он ел! Изящными, хрупкими пальчиками он брал семечко и в доли секунды разгрызал его. Не успевала лузга коснуться пола, как в его лапках было уже другое семечко. Он работал, как автомат, с невероятной скоростью.

По всей квартире у нас были Яшины кладовые. Он прятал свои деликатесы под ковры, даже под те, что висели на стене. Если кто-то забывал свою вещь в кресле, то потом мог обнаружить и под ней тоже определённый запас.

Часто в качестве кладовой использовался воротник моего свитера. Сядет зверёк на моё плечо и тихонечко «закопает» орешки в высокий ворот. Доверял!

В прихожую мы поставили для бездельника огромный сосновый сук, который упирался в потолок. Это было одно из его любимых мест. Любили этот сук и попугаи.

Был случай, что мы потеряли своего Яшу. Пришли друзья, хотели на него полюбоваться, а его нет. Я просмотрела все его любимые уголочки — нигде нет! Приуныли все. Я пошла на кухню поставить чайник, беру со стола полотенце, а под ним спокойно спит наш потерянный зверь. Не захочет — не выйдет! Характер!

За своё невероятное любопытство Яшенька серьёзно пострадал, был травмирован. Случилось это так. По делам мы должны были съездить в город (тридцать километров). Вернулись часов через пять и увидели страшную картину.

Комната, в которой стоял огромный сук (по сути, целое дерево!), была вся усыпана красивыми разноцветными перьями попугаев. От самих попугаев остались клювы и лапки, которые лежали тут же, на полу. Бельчонка нигде не было.

После продолжительных поисков я заметила, что моя войлочная шляпа, лежавшая обычно «пирожком» на шкафу в прихожей, шевелится. Бельчонок любил иногда нырнуть в этот пирожок и затаиться. Заглядываю и вижу — на носу у Яши глубокая кровоточащая рана.

Из раны торчала белая кость. Когда зверёк делал выдох, из ранки вырывались мелкие капельки сукровицы. Яшенька не радовался нашему возвращению, молча лежал и страдал от боли.

Мы начали своё расследование: как всё это могло произойти? Оказывается, в доме водились крысы. У нас на кухне в уголке было маленькое отверстие, в которое очень часто любил заглядывать наш любопытный зверь.

Мы все недоумевали, что он там разглядывает? Видимо, оставаясь один, Яшенька имел возможность увидеть крысу и потому всё время заглядывал в подпол. Но мы ни разу не заподозрили, что у нас где-то может жить такой страшный зверь.

По всей вероятности, во время нашего отсутствия и разыгралась эта трагедия. Попугаи погибли, а бельчонок в схватке был ранен.

Отверстие в подпол было запечатано. Рану на носу подлечили. К Яшеньке вернулось хорошее настроение, и он радовал нас своими очередными проказами.

Этот солнечный зверёк прожил у нас три года. Однажды он ухитрился убежать на улицу. Сын забыл закрыть форточку. Утром мы ушли все по делам — кто на работу, кто в школу. Разве мог наш столь любознательный жилец отказаться от такого соблазна — познать, что за мир находится за пределами нашей квартиры?

Конечно, он тут же оказался на улице, где всё для него было новым. Он просто замер на дороге, увидев что-то необычное. В таком состоянии застал его проходящий мимо тракторист. Ну кто же пройдёт мимо, если перед ним вдруг окажется такое чудо, не возражающее, чтобы его взяли в руки?

Мужчина спокойно взял его в ладони, но радость от находки была очень короткой. Яша умер на его руках от разрыва сердца. Ветеринарный врач сказал мне, что резкий запах мазута был причиной смерти.

Сказать, что мы переживали, значит не сказать ничего. Плакали долго. Сын чувствовал себя виноватым.

Всю жизнь, с тех пор как я себя помню, рядом со мной обязательно жили животные. Но интереснее белочки не было никого. Конечно, можно было приобрести такого питомца снова, но, чтобы его сберечь, нужна клетка, а это значит — неволя.

Пусть белки живут в лесу, а для радости в доме можно иметь животное, которое будет привязано к хозяину.

В настоящее время меня очень радует (вот уже восемь лет) до удивления бестолковая, но бесконечно любимая тойтерьерша Джульетта, о которой я обязательно ещё напишу.

СУДЬБА

В это время мне всегда звонил Коля. Беру трубку. Да, это он.

— Пливет, тётя Фая.
— Здравствуй, Коленька!
— Как вы зывёте?
— Да пока всё нормально.
— Как Зуля? (Жулька — моя собачка.)
— Всё ещё ходим на уколы. А как твоя Муся?
— Холосё. Игляет.
— А ты гулять-то сегодня ходил?
— Сидель на скамейке во дволе.
— А мама чем занимается? Дай-ка ей трубочку.
— Мамы нет.

— Она, наверно, в магазин ушла?
— Она умелля.
— ?????

Спазмы перехватили горло. Шок. Не могу говорить. Коля с мамой жили вдвоём. Света, моя однокурсница и лучшая подруга, УМЕРЛА (!), а я ничего не знаю. (Живу в другом городе.) Собрав в кучку свои мысли, начинаю расспрашивать Колю. Ему тридцать четыре года, говорит он тоненьким голоском, как трёх-четырёхлетний ребенок. Олигофрен, не подлежащий обучению, лишённый возможности передвигаться без помощи взрослого человека.

Коля — полный инвалид, жертва церебрального паралича. Его родители — интеллигентные люди. Учились вместе со мной в одной группе. Поженились сразу после окончания института и по распределению уехали на работу в сельскую местность. Работали в школе. Проработав десять лет, вернулись в город.

Юрий Иванович был приглашён на работу в родной институт, который к тому времени получил статус университета. Мой сокурсник был умён и трудолюбив, поэтому быстро поднялся по служебной лестнице — кандидат философских наук, зав. кафедрой.

Его жена Светлана Николаевна преподавала русский язык. Творческий, духовно богатый человек. Необыкновенно щедрая и добрая женщина. Любящая и заботливая мама троих сыновей. Это святая женщина, судьба которой, без преувеличений, была трагической. Сколько же горя выпало на её долю! Не каждый бы мог такое выдержать. Но словно пуповина связывала её до последнего дня с несчастным сыночком. Ради него она должна была жить!

А ведь как хорошо всё начиналось. Институтская любовь. Взаимная. Интересная работа в деревне. Оба пользуются большим уважением. Супруги счастливы появлением первенца. Сын! Через четыре года — второй сын! Быстро растут красивые, здоровые мальчишки. Но страшное горе уже стояло где-то за углом и ждало момента, чтобы обрушиться безжалостной лавиной на этот дом.

Когда? Где? Почему наш бессменный староста группы Юрка, деревенский талантливый парень, пристрастился к спиртному? За время учёбы не было ничего подобного. Работая в деревне, был трезвенником. На каком же этапе жизни коварный змий искусил его? Для нас, сокурсников, это было просто потрясение. «Не может такого быть!» — говорил каждый. Но случилось.

«Семейная лодка разбилась о быт». Развод! Моя подруга остаётся с двумя сыновьями на руках. Муж увлёкся студенткой. Через два года любовь прошла и блудный муж постучался в родную дверь. Света простила мужу всё, даже снова был заключён брак. Бывает и такое! Но бедная моя подружка совершила непоправимую ошибку — родила третьего сына от уже лихо пьющего главы семейства. Женщины, работавшие вместе с ней, всё отговаривали её от этого рискованного шага, но Света, не думая о последствиях, шагнула в бездну.

Так в мир пришёл наш Коля. И получилось как в сказке: старший сын умный, второй — и так и сяк, а третий — вовсе дурак. Старший окончил университет, успешен по жизни. Средний тоже окончил университет, но страшно пил и ушёл из жизни в двадцать девять лет. А вот Коленька был абсолютно счастлив под крылышком заботливой и любящей мамы.

Его пьющий папа был уволен с работы. Бедствовал, очень ждал назначения пенсии. Дождался, но получить не успел — умер.

Несколько слов о Юре. Студенты очень его любили. Видя, как он страдает с похмелья, иногда покупали ему бутылку водки. Это был деревенский самородок. Он прекрасно писал, но его замечательную прозу о деревне не публиковали — алкоголик! Все его труды так и лежат до сих пор в рукописях. Уже после его смерти Света стучалась во все двери, ей хотелось хоть что-то опубликовать, но везде нужны были деньги. А деньги здесь не водились.

У меня и сейчас перед глазами Юрины перчатки, все в заплатках. Даже перчатки! А ведь он тогда ещё работал. Всё пропивалось. Мы жили недалеко друг от друга, так он

мог среди ночи разбудить и попросить денег в долг. Просил одеколон. Муж всегда ему сочувствовал и давал то и другое. Каким бы пьяным он ни был, но о долге помнил и возвращал. В доме было нечего есть. В один из моих визитов Света открыла холодильник — там было пусто. В морозилке (почему-то) лежал скукожившийся зелёный огурец. И это было всё!

Не легче стало Свете и после смерти пьющего мужа. Старший сын жил своей семьёй, а вот второй пришёл на смену папе: пил так, что выворачивал не только все мамины карманы, но и её душу. Если не давала денег, он выходил на лоджию, спускал одну ногу вниз и пугал, что сейчас прыгнет с седьмого этажа. Не работал, хотя постоянно устраивался, но через неделю его выгоняли. Однажды даже прошёл конкурс на телеведущего: у него была приятная внешность, прекрасно говорил, был умён. Словом, папин клон.

В очередной раз устраиваясь на работу, неудачник произвёл прекрасное впечатление на руководителя предприятия, который предложил ему сыграть в шахматы. Через несколько ходов босс, считая себя гроссмейстером, получил мат. Видя, какой умный парень пропадает, он уговорил его пойти лечиться за счёт предприятия с перспективой получения работы. Михаил прошёл полный курс лечения и — проработал ровно две недели, а потом снова его непреодолимо потянуло к рюмке.

Семья жила в ужасающей бедности. Маленькая учительская зарплата матери и Колина пенсия улетучивались мигом. Сын тряс мать за грудки, требуя денег. Коля, рослый и тучный, желая защитить плачущую маму, на четвереньках, как танк, скрипя зубами, наступал на разъярённого старшего брата, который хватал ползущего инвалида за волосы и бил головой о пол. В одной из таких потасовок Коля лишился зуба.

Каким зверем становился этот по сути мягкий, добрый, пишущий неплохие стихи заблудший человек! Раскаивался, просил прощения у мамы и Коли, плакал, обещал не пить. И всё это повторялось до последнего дня его короткой жизни. Он и с жизнью расстался, будучи пьяным. Привёл в дом

каких-то собутыльников. Пили, ругались, а утром мама обнаружила его мёртвым в постели. Хмельная компания ушла ещё ночью.

Как это ни странно, только теперь началась светлая полоса в жизни этой многострадальной женщины. Колю она никогда не считала своим бременем. Слава Богу, пьяного угара и безденежья больше нет! Но как заноза сидит в сердце непреходящая боль — вина за потерянного от пьянки сына. В результате — инсульт. Еле спасли. Пострадала речь, память, плохо работает одна рука, приволакивается нога. Трудно гулять с Колей. Она теперь не могла его поддерживать. А один он не мог ходить — не работал вестибулярный аппарат.

В таком состоянии Света прожила два года, и вот этот страшный звонок о её смерти. Коля сидел у телевизора, а мама что-то задерживалась в ванной комнате. Он пошёл проверить и обнаружил её утонувшей. Вода из ванной текла через край. Коля закрутил кран и позвонил соседке, сказал, что маме плохо. Он не понял, что мамы больше нет.

Колька! Коля! Коленька! Колюня! Если б ты знал, что тебя ждёт!

Колина жизнь разделилась на «ДО» и «ПОСЛЕ». Господь послал ему такую маму, каких очень мало. Ни разу за всю жизнь Света не повысила на него голос. Ребёнок не мог ни одеться, ни обуться, ни застегнуть пуговицы, ни завязать шнурки. Тридцать четыре года эта стоическая женщина не имела ни одного свободного дня. Ни каникул, ни отпуска — один Коля. Как бы ни было ей трудно, голодно, ни разу не подумала она избавиться от больного сына, хотя друзья и родственники дружно советовали отдать его в дом инвалидов.

Она сделала невозможное — научила его читать! Научила пользоваться калькулятором. Привила любовь к музыке. А сколько силы она потратила на прогулки с сыном! Хорошо бы взять его за ручку и вести. Но Коля рос как кукушонок в гнезде малой пташки. Вот он вымахал уже на голову выше мамы, а ходит только по квартире, широко расставив ноги, но, если его толкнуть пальцем, — он упадёт.

Без прогулок Коля не мог — приучен с раннего детства. У него строгий режим. Каждый день в любую погоду они выходили из дома в три часа дня и направлялись туда, где ещё не были. Коля знал все улицы и переулки большого города, все остановки. Ездили на всех видах транспорта: трамвае, троллейбусе, автобусе. А на подножку любого транспорта мама должна была его подсадить. Маленькая хрупкая женщина помогала подняться теперь уже большому и грузному мужчине. Это не могло пройти бесследно. Очень неприятная болезнь (опущение органов) сопровождала Свету до конца жизни.

Но о болезнях моя подруга старалась не думать. Она считала, что её обездоленный ребёнок должен получить от жизни хотя бы максимум из того, что может дать ему МАМА. Они любили доезжать до центра города и гулять по красивым местам. Иногда прохожие, видя эту пару очень скромно одетых людей — пожилую маленькую женщину с молодым грузным и высоким человеком, — сочувствуя и сопереживая им, давали деньги. Света очень болезненно переживала этот момент. Считала это унижением.

Коля очень любил отмечать свой день рождения. На этот праздник собирались мамины подруги, которым и не надо было напоминать об этом событии — все помнили. Когда мы его спрашивали, какой бы он хотел получить подарок, он отвечал: «Секалятку (шоколадку) или туалетную воду». Дарили мы ему и детские игрушки, машинки, раскраски, фломастеры.

Очень любил наш Колян посидеть в ванной. Тут был свой строгий ритуал. Воды набиралась полная ванна. Погрузив своё массивное тело, он начинал пускать мыльные пузыри. Потом шла следующая процедура — набирание воды в большой шприц (без иглы) и впрыскивание её в круглое отверстие для слива. И последняя процедура — ныряние. Коля становился на четвереньки и, подняв попу вверх, опускал голову на дно ванны. Мама должна была стоять рядом и смотреть на минутную стрелку, а потом доложить ныряльщику о продолжительности пребывания под водой. На все эти процедуры уходило минимум часа два.

Но Коле было дано многое, несмотря на его болезнь. У него была феноменальная память: стоило один раз ему что-то услышать — это было уже навсегда! Он знал обо всех знакомых и незнакомых (артистах, политиках, писателях и т.д.), кто и когда родился и умер. Он знал, когда отмечаются все наши праздники и всякие дни — рыбака, медика, учителя и т.д. Когда он смотрел передачу Пельша «Угадай мелодию», то легко справлялся с заданием — он тут же называл песню и исполнителя. Коля очень любил музыку. У него была богатая фонотека (ещё старые пластинки, потом виниловые, кассеты, диски). Любил и классическую, и эстрадную музыку.

В доме постоянно ломался телевизор, и Коля ухитрялся там что-то пошуровать, чтобы техника начала работать. Когда мама была на работе, он сидел у телевизора или слушал музыку. Необучаемый Коля свободно читал, а вот пересказать текст не мог. Сам разбирался в телевизионной программе. Удивляла его способность моментально, даже на слух, озвучить слово задом наперёд. Речь Коли была исключительно грамотная. Свете было иногда очень неловко, когда её «неумный» сынок поправлял гостей. Он удивлённо говорил: «Это неплявильно. Так не говолят. Нузно сказать «звоня́т».

Коля знает наизусть номера мобильных телефонов многочисленных родственников и друзей семьи. Когда я переехала в другой город, он звонил мне почти каждый день и сообщал мне какие-нибудь важные новости о знаменитостях шоу-бизнеса, о политиках. Он мог вспомнить о юбилее какого-нибудь давно забытого человека. Он просыпался утром с полной информацией в его голове о том, что произошло в этот день и в каком году не только с людьми, которых он знал лично, но и с разного рода знаменитостями, с которыми он не был никогда знаком.

Меня поражало то, что эта информация СИДЕЛА у него в голове. Никто ему не подсказывал, да и просто никто не мог всего этого помнить. Сколько раз я хотела его подловить — проверяла по какому-нибудь источнику названную им дату, но ни разу он не ошибся. Помните ли вы,

например, когда проходил XX съезд КПСС? Держу пари, что не все помнят. А он, чертёныш, откуда-то знает и помнит! Коля знает наизусть всю сказку Л. Филатова про Федота-стрельца.

Все знания он получил самостоятельно, сидя в окружении техники: телевизор, магнитофон, проигрыватель и т.д. Уже ребёнком он знал, что мама должна зарабатывать деньги, а это значило, что в её долгое отсутствие он будет находиться один. Вот и слушал всё подряд и, к удивлению, запоминал.

Многие способности Коля унаследовал от умных родителей, да вот ведь беда — заблудилась где-то, может быть, одна хромосомка, и всё полетело прахом: «удружил» папа лишней рюмочкой.

Очень жаль, что такого способного Колю не познакомили с компьютером, хотя бы с планшетом. Как многого его лишили! Мама последнее время была больна. Пенсию её и Колину получал старший состоятельный брат, которого совершенно не интересовала судьба брата-инвалида. Привозил им кое-какие продукты. Считал, видимо, что новая техника — это излишество для убогого брата.

Старший брат Коли МНОГОЕ посчитал излишним. Когда испуганный Коля, увидев маму в ванной, позвонил соседке, та, естественно, сообщила Александру. Он приехал, отправил маму в морг, а Колю оставил одного в квартире. Ни разу никто с ним не ночевал. Что он чувствовал в это время? Ведь ни одного дня в своей жизни он не был без мамы. Как можно было такое допустить? Да ещё отключить телефон! Каким же чёрствым, бессердечным, жестоким надо быть. Что его сделало таким? Или вся доброта и человекопонимание достались Коле, наградив Сашу лишь практичным расчётливым умом?

Александр никому из Светиных друзей и коллег не сообщил о её смерти. Он не справил, как положено по христианскому обычаю, поминки ни на девятый, ни на сороковой день. Он быстренько закопал свою маму. Когда я спросила у Коли, почему он мне не позвонил и не сказал о случившемся горе, он ответил, что сломался телефон.

Спустя несколько дней после похорон телефон заработал. А заработал он только ПОТОМУ, что Коля был совершенно один. Вместо посещения и опеки ему можно было просто позвонить. Его добрая соседка тётя Зина звонила мне и возмущённо сообщала, что брошенный инвалид просит у неё поесть. Я звонила ему каждый день, спрашивала, что он ел. Каждый день это было одно и то же: капустный салат и йогурт. Этими продуктами был затарен его холодильник. Хорошо, что подкармливали соседи или дальние родственники, которые изредка его навещали.

Я не могла вырваться из дома, чтобы его навестить: ухаживала за совершенно беспомощным старшим братом, которого нельзя оставить без присмотра. Наконец обстоятельства сложились так, что я могла уехать и вернуться обратно в тот же день.

Я знала, какие конфеты Коля любит, какое печенье, выпечку. Накупила всего побольше. По телефону он говорил, что у него нет ни сыра, ни масла. Купила и эти продукты. Коля встретил меня как всегда. Он не улыбался, не светились радостью его глаза. У него было застывшее навсегда одно и то же выражение лица. Если попросишь его улыбнуться, он тут же приклеит, как аппликацию, улыбку, но глаза останутся теми же. Если окружающие начинали смеяться по какому-либо поводу, он тоже начинал смеяться. Но смеялся не потому, что ему было смешно, а потому, что смеялись все.

Первым долгом я полезла в холодильник. Да, там действительно стоял в маленьком контейнере салат из капусты и два йогурта. На кухонном столе в ведёрке из-под майонеза был тушёный картофель с мясом, но всё это было покрыто зелёной плесенью. Принесла родственница. Видно, что было приготовлено с душой, но почему-то не съедено. Ни масла, ни сыра, ни молока не было.

На вопрос, почему он не просит Сашу купить ему эти жизненно необходимые продукты, Коля сказал, что стесняется. Он знал, что мама тоже никогда ничего не просила у сына, хотя он после её инсульта получал обе пенсии. Я старалась объяснить Коле, что Саша покупает не на свои

деньги, а на его. Но, видимо, чувство гордости не позволяло ему унижаться. А вот к соседям обращался, знал, что его любят и помогут.

Но у старшего брата были свои планы: он торопился оформить все документы на прописку Коли в дом инвалидов. Александр понял, что мы все (однокурсники Колиных родителей, соседи, друзья по работе, оставшиеся родственники) бьём тревогу и не хотим, чтобы нашего несчастного инвалида, которого мы все очень любили, выдернули, как репку из грядки, и куда-то отправили. У Коли были все права на квартиру, и легко можно было найти человека, который бы за проживание ухаживал за непритязательным, воспитанным и совершенно спокойным Колей.

Наши усилия были тщетными. Мы потеряли Колю. Александр отвечал нам, что это не наше дело. А ведь одна из наших сокурсниц была готова оформить опекунство и жить с инвалидом.

С большим трудом я разыскала через Минздрав место обитания потерянного. Он живёт в тридцати километрах от города.

Уже полтора года Коля находится в обществе таких же обездоленных людей.

За это время мне удалось дважды побывать у Коли. До него мне сейчас очень трудно добираться. Посетители его не балуют. У всех свои семьи, работа. Не балует визитами и родной брат, у которого своя машина и ехать-то всего ничего. Он тоже был дважды. Привозил брату в качестве гостинцев кефир и йогурт. Летом, когда люди вёдрами несли с огородов ягоды, Александр и не вспомнил о своём родном брате-инвалиде. А ведь у него шикарная дача.

При встрече Коля ни на что не жаловался. И, как всегда, ни разу не улыбнулся. Никакой радости на лице. Спрашиваю, рад ли он моему визиту. Рад. То, что в душе его бушевала настоящая буря, показал тонометр. Во время нашей беседы пришла медсестра и замерила у него давление. Оно было высоким: 220 на 90. Ему тут же дали таблетку.

Меня порадовало только одно: что в корпусе было чисто, что одежда на нём была тоже чистой, но уж очень старень-

кой и неприглядной. Лечащий врач сказал, что ведёт он себя хорошо. Санитар, который его привёл, отметил, что Коля умный, развитый.

Прощаясь, я обнимала не толстого бегемотика, каким был раньше Коля, а непривычно худого мужчину. Это, может быть, и хорошо, что он скинул лишний вес, но только бы не больше. Хочется верить, что всё у него нормально, что ко всему привыкнет. Верю ещё и в то, что брата, лишившего его домашнего уюта, его любимой фонотеки, телевизора, ласковой Муси, добрых соседей и друзей, ждёт когда-нибудь осознание той несправедливости и бездушия, которые он проявил по отношению к Коле.

Прощаясь, он сказал: «Как бы я хотел всё вернуть назад». Коля не заплакал. Он вообще не умел плакать так же, как не умел улыбаться.

Любовь Потанина

п. Красногвардейский, Свердловская область

ВЧЕРАШНЯЯ «ФАНТАСТИКА»

Злыдниной Маргарите Николаевне посвящается

Послевоенные годы. Осеннее солнечное утро.

В комнатку, где собрались ученики начальных классов небольшой сельской школы, вошла высокая худощавая молодая женщина. Её волосы были гладко зачёсаны и собраны в тугой пучок. Сдвинутые на кончик носа очки придавали своей хозяйке ещё большую торжественность и строгость. Это была Тамара Васильевна.

Изо дня в день она учила детишек арифметике, письму, чтению. А самым увлекательным для школьников было то, что каждый день после уроков Томочка — так за глаза называли дети молодую учительницу — рассказывала что-нибудь интересное.

Вот и сегодня ребята ждали новой истории о дальних странах, причудливых животных, удивительных традициях.

— А что будет, когда мы вырастем? — спросил сосед Риты Минька, считавшийся забиякой.

— Что будет? — мечтательно повторила Тамара Васильевна. — Новое будет. Мирное небо будет. Вы будете взрослыми: профессии получите нужные и важные, семьи у вас свои будут, детишки... А ещё кино... Кино будете дома смотреть, — немного помолчав, добавила она.

На удивлённых лицах любопытных детей читался вопрос. Это тут же уловила взволнованная учительница и продолжила:

— Вот представьте: сидите вы дома, а напротив на сундуке или столе у стеночки — телевизор.

Глаза ребятишек всё больше округлялись.

— Это такой ящик, — разъясняла Томочка, — специальный ящик, который будет показывать фильмы, рассказывать о событиях, о перевыполнении планов очередной пятилетки,

транслировать спектакли. Даже балет! — уж очень Тамара Васильевна любила балет.

Дети сидели очень тихо. По выражению их лиц было понятно, что всё это кажется им сказкой. Сказкой, придуманной учительницей для забавы.

Рита, одна из учениц, наивно улыбалась и думала: «Ну и чудна́я наша Томочка! Придумала тоже: сижу будто я в избе на печи, а в ящик заползли неизвестные люди и танцуют! Ну и чудеса!»

С того дня прошло не так уж много лет. Те «Томочкины» школьники выросли, профессиям обучились. У каждого появилась семья, дети. Дети, для которых эти истории не кажутся сказкой, ведь, сидя дома на мягком диване, они с увлечением смотрят новый фильм о военных подвигах и балет.

* * *

Кропотухиной Альбертине Викторовне посвящается

Помню о тебе уже немного,
Бабушка любимая моя!
Знаю, нелегка была дорога,
Горюшка хлебнула ты сполна.

Помню, как меня ты обнимала,
Всю любовь бескрайнюю даря.
Умножению учила и читала...
До чего же я люблю тебя!

В карты мы с тобой играли в «Душу».
Защищала ты меня всегда...
А сейчас моих уже детишек
Моя мама любит, доченька твоя.

Тамара Потапова

г. Москва

ДОРОГИМ РОДИТЕЛЯМ

После войны домой в деревню вернулся парень молодой,
аккордеон привёз трофейный, очаровал своей игрой.
Невест вокруг — богатый выбор, но всех милей одна была:
себе певунью в жёны выбрал он из ближайшего села.

Они зимою расписались, когда кружил снежинок рой,
их образом благословляли Казанской Матери Святой.
И строгий лик иконы этой их брак всю жизнь оберегал,
хранил с заката до рассвета реки семейной берега.

«Мать Пресвятая, ради Бога, ты отведи от нас беду,
мне мужа сохрани в дороге, зажги ему в пути звезду!»
Так мама за отца молилась, а вера — во главе угла,
и на меня тот свет пролился, и я в такой любви росла.

Трудилась мама в институте, отец с войны шофёром был,
блистал талантами, по сути, искусство всей душой любил.
Он для души писал картины, художественный кончив курс,
и пел, плясал, читал стихи нам, природный проявляя вкус.

А как играл! Как мама пела! Наш дом ломился от гостей,
и песня русская летела в просторы родины моей.
Чтобы в семье как можно дольше
хранились верности ключи,
учись давать гораздо больше, чем сам хотел бы получить!

Не жди мольбы иль приказанья,
чтоб душу близкую понять,
с замков взаимопониманья должна быть сорвана печать!
И поняла любви я силу, когда отец мой умирал,
мать от него не отходила, её он за руку держал.

Совсем слепой, с дыханьем робким,
уже в раю одной ногой,
отец шептал: «Моя залётка...» —
она ему: «Хороший мой!»
Седые головы друг к другу склонили в нежности своей,
напоминая неразлучных двух белокрылых лебедей...

В день свадьбы мама посылала
отцу прощальный свой привет
и в путь последний провожала,
прожив с ним шесть десятков лет.
Вот снова кружатся снежинки, теперь уже для нас двоих,
целую мамины слезинки и прячу от неё свои.

Теперь уж мама недвижима и, глядя на снежинок рой,
тихонько шепчет: «Мой любимый,
мы скоро встретимся с тобой!»
О, если б знала моя мама, что этой верностью своей
она урок преподала мне, раскрыла смысл жизни всей!

Жить по законам Божьим надо,
любить друг друга всей душой,
и рассыпаются преграды пред алтарём любви большой.
А сердце, полное любовью, напоминает мне сосуд,
не расплескать бы по дороге, его потомки наши ждут!

ЧАСИКИ

Не было у мамы золотых серёжек,
дорогих колечек не бывало тоже,
не носила мама и богатых платьев,
наряжалась мама в папины объятья.

А когда подружки хвастались обновой,
радовал мой папа маму песней новой,
помню, как на кухне мамочка стирала,
на аккордеоне мой отец играл ей.

И такой любовью их глаза светились,
что она обоим придавала силы.
А бывало, папа мамочку рисует,
карандаш отложит и бежит — целует.

Выигрыш по займу выпал им однажды,
и покупка шубы стала делом важным,
а ещё для мамы часики купили.
Как мои родные счастливы-то были!

Для часов наручных вбили в стену гвоздик,
в них ходила мама в институт и в гости.
Берегла подарок, мужа всё хвалила,
шесть десятков вёсен их любовь продлилась!

Свет родного дома — как маяк в метели,
все преграды вместе одолеть сумели,
путь прошли достойно, свыше Богом данный.
А любовь такая — подвиг неустанный!

Часики в коробке я храню как память.
Что возвысит душу, выбираем сами.
Мне любовь и верность всех богатств дороже.
Пусть вам улыбнётся это счастье тоже!

Ирина Салтанова

г. Севастополь

ОТКРОВЕНИЕ ИЗДАЛЕКА

Посвящается другу

Воздух, наполненный «сваренными» молекулами кислорода, капель воды, пара, пыли, газа и всего, из чего состоит атмосфера, медленно плыл над морской поверхностью, взбаламученной людскими телами и снующими туда-сюда судами. Лето было в разгаре, зной — двадцать восемь градусов в тени, на солнце все сорок с гаком. Но здесь, на пляже, хотя бы можно было свободно дышать, всё-таки морской бриз спасал.

Он появлялся после обеда в самую жару, довольно высокий, крепкий, всегда с непокрытой головой, бритой под ноль. Похоже, плевать он хотел на все предупреждения медиков, что ему надо бы поберечься выходить в такую пору из дома без особой надобности! Старик в выцветшей майке и старомодных шортах шёл не спеша, немного вразвалочку, неся в одной руке потёртые кожаные сандалии, в другой — пустую женскую сумку, сшитую из недорогого современного гобелена с ярким орнаментом. У него было своё место на каменных ступенях, недалеко от входа на городской пляж. Старик неторопливо раздевался, аккуратно укладывал на заранее расстеленную газету одежду и, распрямив спину, подставлял палящим лучам солнца лицо, и без того бронзовое от загара. Взгляд его прищуренных глаз пристально скользил по воде, потом переходил на небо и вдаль — на другой берег бухты. Как будто он проверял и оценивал, что изменилось за прошедшие сутки, за время его отсутствия. Но всё по-прежнему было на своих местах: небо с дымкой, которая предвещала хорошую погоду на завтра, море, тронутое лёгкой рябью, неизменный пологий ландшафт на горизонте. У воды, на противоположном берегу, поодаль друг от друга, вековые морские стражи на входе в Севастопольскую бухту — Константинов-

ский и Михайловский равелины*, на высоких мачтах которых реяли российские стяги. Морской транспорт ходил согласно расписанию: паром, отправляющийся на Северную сторону, — каждые полчаса, рейсовый катер на Радиогорку — в часы пик каждые пятнадцать минут и небольшие катамараны, лодки, катера, все под мотором, предназначенные для туристов и гостей города, — уходили от пирса по мере наполнения.

Здесь, на пляже у сходней в море, всегда было шумно и влажно. Неустанно мальчишки и девчонки сигали в воду и, едва очутившись в море, вновь лезли по лестнице на берег. Такой вот азарт у ребятни во все времена — прыгать с берега кто как может: взявшись за руки, с разбега, «бомбочкой», «солдатиком», просто плюхнуться пятой точкой о воду. Особым шиком на пляже считалось прыгнуть в воду «щучкой», «козлом», «ласточкой», но мало кто из ребят знал и умел правильно это делать.

Публика после обеда собиралась на пляже разная, в основном приезжие, отдыхающие, все местные приходили сюда или рано утром, или вечером, после работы. Всезнающие мальчишки звали старика дядей Яшей, хотя по возрасту он годился им в деды. Когда у деда было время, он выстраивал их на берегу в шеренгу, делал с ними разминку и преподавал основы теории прыжков в воду. А затем, когда все прыгали по очереди, оценивал прыжок каждого ребёнка по десятибалльной системе. Все мечтали научиться прыгать как дядя Яша! Показывая, как правильно делается прыжок, старик преображался, особенно когда видел, как со стороны смотрят на него не только ребята, но и другие отдыхающие на пляже.

Ему нравилось быть в центре внимания. Стоя на краю причала, он, переступая ногами с носка на пятку и обратно, собирался, чтобы сгруппировать все мышцы для прыжка. И потом с кажущейся лёгкостью пружинно отталкивался от берега, взлетал и в воздухе, на удивление, становился выше, стройнее и даже моложе. Толпа наблюдала, как старик в полёте, раскинув крепкие загорелые руки и соединив огромные

* Так называют старожилы Севастополя Константиновскую и Михайловскую батареи.

ступни ног, взмывал вверх «ласточкой», затем в доли секунды стремительно складывал обе руки и элегантно, почти без брызг, входил в воду, как говорили знатоки: «чисто». На некоторое время вся ватага замирала, считая секунды и отслеживая, где дядя Яша вынырнет.

— Ребята, спорим, сегодня он в пяти метрах будет, вон там...

— Ты чё? В пяти... скажешь тоже... в десяти точно! Как в прошлый раз!

Это было очень красивое зрелище: старик внезапно всплывал в нескольких метрах от берега, мощно плыл дальше баттерфляем, мелькали попеременно только «голова-хвост дельфина»! Таким образом он заплывал за буйки, переворачивался на спину и лежал, раскинув звездой в разные стороны конечности, безмятежно качаясь на волнах от проходящих мимо судов. Белые облака, названные в народе «кошачьими хвостами»*, и выцветшее бледно-голубое небо отражались в его глазах непонятного цвета. В эти минуты он тонул в небе, бездонном и прекрасном, расслабившись, забывая обо всём на свете.

Молодая девушка, недавно появившаяся на пляже, стояла, уткнувшись в телефон, до того как старик нырнул, теперь же она не могла оторвать глаз от завораживающего зрелища. Безукоризненно взлетевшую «ласточку» и динамичный стиль, называемый в простонародье «дельфин», в исполнении дяди Яши обсуждал на берегу почти весь контингент отдыхающих.

На берег дядя Яша возвращался кролем или брассом, движения были отработаны до автоматизма. Пока он шёл к берегу, мальчишки спорили, кем их кумир был в молодости. Кто-то предполагал, что тренером по плаванию, другие говорили, что был капитаном сборной города по ватерполо и ещё чемпионом по прыжкам в воду! Все сходились только в одном: старик был мастером спорта, и не по одному виду! А дед тем временем, держась за поручни, выходил на берег, сразу шёл в раздевалку, выкручивал выцветшие от солнца и старости плавки

* Перистые облака принимают самые различные формы в виде параллельных спутанных или веерообразных полос, перьев, завитков.

и, возвратившись, садился прямо на ступени, чтобы продолжить свой каждодневный обязательный моцион. Устроившись по-турецки, надев на ладонь полиэтиленовую щётку, которая изрядно поизносилась за прошедшие минимум сорок лет, и подтянув к себе поочерёдно ступни, он энергично массировал и тёр каждую. Восхищённая физической формой старика, молодая девушка не выдержала и заговорила с ним первая: «Здравствуйте, я Юля. Для чего вы это делаете?»

Не отрываясь от дела, польщённый вниманием юной особы, старик прочитал ей целую лекцию о массаже стоп и активных точек на них, разгонке крови и пользе от этого всему без исключения в организме. Он ещё говорил о том, что изначально природой было предусмотрено, что кожа тела человека должна быть открытой, свободной от одежды, чтобы можно было дышать каждой клеткой, и что обогащение организма человека кислородом — ключ к здоровью.

Слушая нового знакомого, Юля моментально забыла о его возрасте и облике (отнюдь он не был Аполлоном), о выношенной одежде, в которой он ходил. Она поняла, что такая одежда — осознанный выбор человека и это не есть главное. Юля общалась с очень современным, умным и интересным собеседником! В заключение дядя Яша спросил её:

— Как вы думаете, сколько мне лет? — И, не дожидаясь ответа, с гордостью произнёс сам: — В этом году мне исполняется семьдесят пять.

Однажды в воскресенье дядя Яша пришёл не один. Его спутница была младше него примерно лет на десять. Как-то сразу было видно, что они вместе давно, может быть, даже всю жизнь. Жена старика была немаленькая, ему под рост, немного полная, на загорелом лице выделялись своей синевой небольшие внимательные глаза и полные, естественного цвета, губы. Они шли, пробираясь с трудом среди отдыхающих. В этот день на пляже было больше людей, чем обычно, всё-таки выходной день. Дядя Яша шёл впереди, поочерёдно, не спеша, ставя вперёд крупные, сорок пятого размера, ступни ног. Его спутница, несмотря на возраст, имела лёгкую поступь, и назвать её старухой, пожалуй, было никак нельзя — ей больше подходило милое по созвучью слово «бабушка».

Обыкновенная пожилая пара. В этот раз старик нёс не только женскую сумку, на его плече висела сетка с морским снаряжением: ластами, маской с трубкой и металлической самодельной пикой в чехле.

Искупавшись первой, женщина, подойдя к мужу, склонилась над ним, устроившимся позагорать ничком прямо на каменных ступенях у кромки воды, и, нежно прикоснувшись мокрой рукой к его горяченной бронзовой спине, тихо произнесла:

— Я уже всё. Ты можешь идти.

Ребята, устав от бесконечных прыжков и набултыхавшись в воде до посинения губ, улеглись всей компанией «ромашкой», чтобы видеть друг друга и быстрее согреться, прижавшись животами к горячим бетонным плитам покрытия пляжа. Невдалеке от них расположилась группа молодых людей, среди них одна девушка, всем не больше тридцати лет. Сразу было видно, что люди приехали из Украины. Они общались только на украинском языке, вернее, на «суржике»*. Никто бы и не заметил этого, привыкли, говоря каждый на родном языке, русском или «суржике», который всегда был здесь в обиходе, понимать друг друга без переводчика. Но только гости в этот раз говорили как-то намеренно громко, используя ненормативную лексику. Может, выпитое пиво, жара и раскалённое — не ступить босыми ногами — покрытие пляжа их сильно разгорячили. Дядя Яша, прежде чем нырнуть в море, подошёл к гостям и что-то тихо им сказал. Летучий морской ветерок донёс до отдыхающих лишь обрывки его фраз: «не надо материться», «дети, женщины», «нехорошо»... После этого старик, приладив на себя морское снаряжение, погрузился с причала в воду и поплыл вперёд, шумно продувая дыхательную трубку. Юлька, накануне заговорившая с дядей Яшей, обвела всех мужиков на пляже немного снисходительным взглядом и с восхищением посмотрела ему вслед. Компания ненадолго поутихла, и ругательства уже были не слышны...

* Недостаточно изученное языковое образование, включающее элементы украинского языка в соединении с русским, распространённое на части территории Украины, а также в соседствующих с ней областях России и Молдавии.

Жена старика расположилась на ступенях, наслаждаясь дуновением приятного морского бриза. Вскоре один из компании ребят подплыл к берегу и громко позвал: «Хлопцы!»

И когда кто-то из них подошёл к сходням, обратился взволнованно: «Візьми у когось-небудь окуляри для плавання»*. И, прочитав вопрос на лице своего товарища, парень добавил с огорчением: «Я втратив цепочку з хрестом там»**.

Вскоре очки для плавания были у кого-то на берегу одолжены, и парень, пристроив их на лице, поплыл к предполагаемому месту потери в море. В это время вернулся на берег дядя Яша, сообщил жене, что сегодня здесь крабов нет, и, не выходя на берег, попросил дать ему плотный целлофановый пакет — он собирался «надрать» мидий со скал и буйков в море.

— Яша, там парень цепочку с крестом потерял, — обратилась жена, подавая ему пакет, — быть может, он нуждается в твоей помощи?

— Хорошо, солнышко, не волнуйся, сейчас я поплыву и спрошу его.

Все на берегу, кто слышал разговор о происшествии в море, стали наблюдать за ситуацией: как старик, подплыв к парню, отдал ему свою маску с трубкой. И тот долго нырял, всплывал, кружа в радиусе нескольких метров на поверхности моря. Потом парень вернул дяде Яше маску с трубкой и поплыл к берегу.

Теперь уже старик, «на прощанье» медленно взмахнув ластами, уходил на глубину. Всплывая, чтобы восстановить силы и продышаться, он шёл по только ему одному известному маршруту, погружаясь ненадолго, изучал рельеф дна, всё дальше и дальше уходя от того «места отсчёта».

На берегу мнения разделились: мальчишки были уверены, что дядя Яша достанет со дна утерянные сокровища. Гости города, услышав от потерявшего цепочку с крестом, что там «на дне ничего не видно, одна мутная вода и водоросли», сбегали в кафе за пивом и продолжили отдых. Только девушка из их компании ещё слабо надеялась, что, может быть... будет удача. Она подошла к жене старика и спросила, заговорив

* Возьми у кого-нибудь очки для плавания.

** Я потерял цепочку с крестом там.

по-русски: «Как вас зовут?»

— Елена Васильевна. А вас? Вы с Украины?

— Яна. Мы все с одного села под Винницей. Сегодня в ювелирном магазине у вас тут мы купили Богдану золотой крест и серебряную цепочку. Это подарок матери на его день рождения — она дала денег. — И, помолчав, добавила: — Продавцы говорили, что цепочка плетения «змейкой» очень прочная, а она порвалась.

— Яша достанет, он хорошо ныряет, — успокоила девушку спутница старика. Хотя и сама уже начала волноваться: прошло сорок минут, как началась операция по спасению дорогого подарка.

— Хорошо бы...

Утомившись наблюдать за происходящим в воде, люди занялись каждый своим делом. Ребята вновь запрыгали в воду, кто-то заснул под зонтиком, другие отдыхающие, освежившись в море, сразу засобирались домой, чтобы сохранить прохладу тела подольше...

Наконец дядя Яша поплыл к берегу. Елена Васильевна ждала мужа у сходней, когда он подплыл, спустилась на две ступеньки вниз, чтобы принять его снаряжение, было видно, что так они делают всегда.

Но дядя Яша, достав из плавок сложенный пакет, протянул его со словами: «Оленка, отдай ему». Он кивнул на берег в сторону компании гостей.

— Может, ты сам? Ты всё нашёл?

— Да. Порадуй парня, отдай сама.

Взяв пакет, она поднялась на берег, раскрыла его и, увидев находку, знаком подозвала того, кто так долго и безуспешно нырял за ней. Богдан подошёл к ней, без особых эмоций на лице взял из рук жены старика золотой крест и разорванную серебряную цепочку, не глядя в лицо, буркнул еле слышное «дякую»* и, повернувшись, пошёл к своим друзьям. Елена Васильевна, с удивлением глядя ему вслед, проронила: «Это не мне надо говорить».

Юля, с интересом наблюдавшая за этой сценой, тоже возмутилась невежливостью парня и кинула ему в спину: «Дядю

* Спасибо.

Яшу надо благодарить. Это всё он!» Парень даже не оглянулся... Возмущённая его чёрствостью и неблагодарностью, Юлька подскочила к Богдану, она даже не знала зачем, просто был такой порыв души...

Тот смутился, и в этом его смущении стало видно, что он не плохой и не хотел обидеть старика, а просто растерялся и не знал, как себя вести, не приучен был к выражению чувств и благодарности.

Тем временем старик вышел на берег, Елена Васильевна протянула ему полотенце...

— Дедушка, спасибо. — Парень вернулся, чтобы лично поблагодарить дядю Яшу.

По лицу жены старика было видно, как её покоробило это слово — «дедушка». В её глазах Яша сейчас был всё тем же молодым красавцем, каким был, когда они встретились полвека назад... Он и сам часто подчёркивал свой «молодой» возраст: «Я чувствую себя на тридцать пять!» К тому же их младший сын был возраста этого парня...

Но, на удивление жены, её Яшенька нисколечко не обиделся и, первым протягивая руку парню, произнёс: «Ты вряд ли нашёл бы, течение размыло метров на двадцать, наверное...» Но парень, торопливо пожав протянутую руку дяди Яши, не стал слушать его и снова удалился.

Компания гостей продолжила веселье, вновь гонец сбегал за пивом — теперь уже был настоящий повод отметить день рождения друга и «обмыть» вновь обретённый подарок...

Все отдыхающие, кто присутствовал при этой сцене, не смотрели на деда, прятали глаза. Вроде ничего особенного не произошло: ну сделал старик доброе дело, а то, что ему не оказали должного внимания, бывает. Спасибо же Богдан сказал! И всё-таки как-то это было не совсем по-человечески!

Елена Васильевна увидела, как искорка, вспыхнувшая было в глазах мужа, потухла. И она понимала, почему: Яша всю жизнь работал с детьми и молодёжью, со всеми находил общий язык. Старик заторопился домой, даже не стал делать каждодневную процедуру — массаж ног, оделся, собрал в чехол снаряжение и, уходя со своей спутницей, окинул каким-то бесстрастным взглядом всё пространство вокруг.

Одна Юлька кинулась к ним попрощаться: «Дядя Яша, вы держитесь. До свидания, до завтра, вы же приедете ещё?»

Старик улыбнулся, посмотрев внимательно на неё: «Спасибо, Юлечка, до завтра».

Только отойдя на приличное расстояние от пляжа, Елена Васильевна виновато обратилась к мужу: «Прости. Нужно было тебе самому отдать этому парню то, что ты нашёл для него».

— Ну что ты, милая, нет никакой вины твоей. Ты сделала всё правильно.

Они шли домой, по пути зайдя на центральный рынок, после обеда там можно было купить фрукты-овощи дешевле — продавцы спешили быстрее добраться домой и уступали. Разговаривали мало, придя домой, пообедали. Дядя Яша отправился отдыхать на воздух — в тени виноградной палатки у него было оборудовано спальное место. Елена Васильевна осталась в доме, он был сложен из местного известняка, комфортного в любое время года: летом было прохладно, зимой очень тепло.

Она не уснула, только чуть-чуть провалилась в сон на полчаса и, полежав ещё немного, отправилась во двор. Собрала с абрикосового дерева оранжевые с красным бочком плоды — Яша обожал их. Промыла под тугой струёй воды в дуршлаге спелые и нагретые солнцем фрукты и выложила их на поднос, накрыв лёгким полотенцем.

В погребе — так они называли подвал, где было самое прохладное место в доме, Елена Васильевна включила свет и налила в глиняный кувшин красное виноградное вино. Затем не спеша стала готовить ужин.

Елена Васильевна давно заметила: например, когда, чистишь ли, нарезаешь ли, как сегодня, морковь и лук, чистишь и моешь под струёй воды тушки кальмаров, в общем, делаешь привычную монотонную домашнюю работу, обязательно в процессе приходит откровение, совсем не связанное с этими действиями.

Она подумала о матери того парня с пляжа. И, как в кино, увидела их дом в селе, цветы перед домом на клумбе и в огороде, в котором зрели сахарные помидоры, кабачки, плелись

в траве огурцы, желтели подсолнухи высотой в полроста человека. А там, на задворках, ровные ряды окученной картошки, ещё цветущей и уже с подвядшей ботвой, и зелёный забор в рост из сочных стеблей с поспевающей кукурузой.

Елена Васильевна увидела даже то, как вначале мать сильно расстроилась из-за сына. И, управившись с хозяйством, мать Богдана вошла в дом и, обратившись к иконе Спасителя в красном углу, помолилась и зажгла лампадку. Елена Васильевна почувствовала молитву этой далёкой деревенской женщины, которой приходилось много трудиться, чтобы поднять сына и иметь возможность делать ему подарки. Помолилась мать и Богородице, и Святому Николаю за их быструю помощь, что не оставили её с сыном семью.

Женщина сердечно помолилась и за старика — её Яшу, хоть и не знала его имени, но Богу ведь известно всё. За его здоровье, благодарила за неравнодушие, значит, любовь к ближнему своему.

Солнце клонилось за гору, даря приятные, ещё яркие лучи, которые освещали всё вокруг, словно обнимая землю на прощанье до рассвета. Блики солнца, проникая сквозь рейки на палатке и плети виноградной лозы, листья и незрелые кисти винограда, играючи бежали, мечась и перепрыгивая по загоревшему лицу дяди Яши, его рукам, всему туловищу. Будто хотели его разбудить и предупредить, что по всем народным приметам нехорошо спать на закате. А он улыбался во сне, особенно когда солнечный зайчик касался губ — улыбка от этого казалась ещё счастливей.

Елена Васильевна хотела и не решалась разбудить мужа. Интересно, что ему снится? Словно почувствовав присутствие жены и её мысли, он потянулся во сне и, не открывая глаз, блаженно произнёс: «Мне снилось что-то хорошее...»

— А у меня ужин готов. И твои любимые... — она не успела договорить.

— Неужели мидии? — Он сгруппировался и ловко сел в постели. Салат из мидий дядя Яша готов был есть хоть каждый вечер.

Умывшись, он подсел к столу и, увидев глиняный кувшин с вином и два бокала, вопросительно посмотрел на жену:

«У нас какой-то праздник сегодня, я что-то забыл?»

Дядя Яша придвинул кувшин из красной глины, втянул из горлышка густой и терпкий аромат вина. Он сидел, ласково поглаживая неровную глазированную глиняную поверхность с орнаментом и улыбаясь, будто встретился с кем-то или с чем-то очень дорогим и долгожданным. Елена Васильевна знала этот взгляд: так он смотрел на своих родителей в золотую пору их жизни, их с Яшей сыновей, любуясь их молодостью и одновременно гордясь успехами взрослых детей, а позже появившимися внуками, правнуками — самыми главными и любимыми людьми в жизни...

Теперь в старый сосуд супруги наливали вино, когда были вдвоём, а ещё раньше всегда, когда приезжали дети. Кувшин был памятный и хранился как реликвия в семье: в тридцать девятом году его привезли сюда родители дяди Яши из Житомира, когда отец получил назначение служить на Черноморском флоте.

Оленка, так называл её Яша смолоду на украинский лад, любила родителей мужа и бережно хранила память о них. Его мама была украинкой, отец русским — оба фронтовики, прошедшие войну с первого и до последнего дня — праздника Победы.

По-разному было у них с Яшей в жизни, особенно по молодости лет, она сильно ревновала его к ученикам-студентам, к коллегам — без него не проходило ни одно мероприятие: он был больше на работе, чем дома. Позже пришло понимание: просто он очень любил жизнь и людей! Яша не мог пройти равнодушно мимо человека, попавшего в беду, даже последнего бомжа он готов был выслушать и протянуть ему руку помощи.

— У меня сегодня два сюрприза для тебя, — сказала Елена Васильевна, ставя на стол сотейник, — фаршированные кальмары, я приготовила их по рецепту, как ты любишь. А второй сюрприз: я просто хочу выпить за твоё здоровье! Прошу наполнить бокалы! — торжественно обратилась она к мужу.

Дядя Яша, кинув на жену восхищённый взгляд, расплылся в улыбке. Ему явно было очень приятно: день завершался в романтической обстановке.

Свет на улице включили, когда ужин уже закончился. Сумерки упали на землю, стало свежо, но супруги не уходили со двора своего родимого дома. Сидели на лавке, которая повидала на своём веку всех домочадцев: от их родителей до детей, внуков и правнуков. Теперь дом опустел, дети разъехались, они остались вдвоём, но им по-прежнему было очень хорошо вместе.

— Знаешь, Оленка, я сам был таким в молодости, стеснялся выражать свои чувства. Этот парень, с которым мы ныряли днём, чтобы найти его крестик... Даже самый опытный ныряльщик с трудом смог бы найти эти две вещи — крест и цепочку. Когда цепочка разорвалась, они упали на дно уже в разных местах. И их тут же «размыло» друг от друга, более чем метров на двадцать. Течение в этих прибрежных водах всё время меняется, как ветер на суше, на протяжении суток. Я проплыл вперёд, внимательно с поверхности воды смотрел на дно, подныривал на глубину и видел, куда может унести их течение. Там есть свои приметы, на дне моря, это где-то отсутствие скопления водорослей и явно прослеживаемая «дорога», размытая подводным течением...

Да, много что открывается опытному глазу...

Она слушала его, понимая, что он хотел днём рассказать об этом Богдану.

— Яшенька! Я забыла за ужином тебе сказать самое главное: та старая жинка из-под Винницы помолилась за тебя сегодня!

— Не понял, милая... Кто?

— Ну, ты не знаешь, те ребята на пляже с Украины... Богдан, который цепочку с крестом потерял в море, так вот, ему позвонила из дома мать, это её подарок сыну... Он ей и рассказал, что случилось на пляже. А мать, зная, какой Богдан стеснительный и немногословный, спросила его: «Ты хоть поблагодарил этого человека, который нырял и нашёл крест с цепочкой?» Сын и рассказал матери, как всё это было...

— Оленка, они позвонили тебе, что ли, не понял?

— Нет, родной, я просто почувствовала вечером, когда ты спал, что мать Богдана помолилась перед образами за тебя, о твоём здоровье!

Анна Шувалова

г. Владимир

НАШЛА...

Сколько я себя помню, бабушка всё время работала, никогда не сидела без дела. Когда во время перестройки пришлось уволиться с завода «Автоприбор», где она была ведущим экономистом, в связи с сокращением штата (а на самом деле из-за нежелания начальства держать сотрудницу пенсионного возраста, которая может болеть — чисто теоретически — чаще других), бралась она за всё, что давало возможность держаться на плаву. Бабуля активно искала подходящее место и шла туда, куда приглашали. Даже если это не было связано с её специальностью, никогда не отказывалась от подработок.

Одной из них стало распространение книг. Владимиро-Суздальский музей-заповедник издал ограниченным тиражом уникальный проект — Владимир в старой открытке «Днесь светло красуется». Помню, как бабуля носила несколько экземпляров в своей авоське и предлагала их везде, где только можно было. Одну штуку оставила себе. Позднее её попросила моя сестра Елена, чтобы узнать, каким город был раньше и каким является сейчас, да так её и «зачитала». На какое-то время я забыла об этой книжечке, но потом вспомнила, и мне захотелось иметь её тоже.

Надо пояснить, что к тому моменту я уже жила с бабушкой, а Лена в квартире родителей. Однако мне казалось не совсем удобным напоминать сестре о необходимости вернуть книгу, потому что бабуля-то была у нас общая, да и книжек «на двоих» у нас имелось достаточно как тогда, так и сейчас: продолжаем покупать что-нибудь, читать, а потом делиться. Вот поэтому решила, что где-нибудь достану себе ещё один экземпляр. Увы, тираж был ограничен, уже весь разошёлся и к тому же не продавался в книжных магазинах — достать желаемое не получилось.

Бабушка работала до тех пор, пока не заболела и ей самой не понадобилась помощь. Я стала за ней ухаживать, и, естественно, мне уже было не до книжек, поскольку приходилось работать, следить за хозяйством и за бабулей. Но периодически я вспоминала о «Днесь светло красуется», когда бывала в историческом центре города. И так же благополучно забывала. Это не являлось предметом первой необходимости или чем-то важным, без чего нельзя обойтись. И потом, книжка есть у Лены, можно взять в любой момент.

Наступил тот день, когда того, кто присутствовал в моей жизни с самого рождения, не стало: наша бабуля отошла в мир иной. В тот период не интересовало меня вообще ничего.

Только человек такое существо, которое ко всему привыкает. Я научилась жить без неё. Ну, почти научилась. Снова вспомнила о той книжечке про старый Владимир. Именно тогда, как никогда прежде, мне захотелось иметь её. Тем не менее по-прежнему попросить её обратно не решилась, потому что знала, как сильно издание нравится Лене.

Через три года в нашем городе осенью проводился очередной книжный фестиваль «Буфест». Я подумала, почему бы не пойти, поскольку это отличная возможность приобрести то, что давно хотелось, новинки, редкие выпуски по цене издательств. Там я покупала два тома биографии любимого мною Тура Хейердала, Эдварда Мунка, произведения Хёга и многое другое просто по сказочно низкой стоимости. К тому же я там давно не была.

Побродив по залам и слегка разочаровавшись в представленном ассортименте, я медленно шла назад к выходу. Подойдя к «владимирским столам», задержалась возле них, чтобы окинуть взглядом то, что предлагали местные букинисты. И тут я замерла. Передо мной лежала та, по которой я «страдала» столько времени! Не задумываясь, вынула из кошелька указанную сумму, хотя она была великовата для моего бюджета, но это того стоило. Не только потому, что книга редкая. А потому, что теперь у меня есть настоящее, живое воспоминание о человеке, с которым я прожила под одной крышей без малого девятнадцать лет. Кто прини-

мал меня такой, какая я есть, терпел все мои выходки, «закидоны», мой непростой характер, поддерживал во всём, в том числе и материально, дал возможность самой определиться с выбором будущей профессии, был рядом и в горе, и в радости, просто любил.

Этот эпизод из её трудовой жизни глубоко запал мне в память, сердце и душу ещё и потому, что бабуля никогда не рассуждала, «буду — не буду, сюда пойду, а сюда нет». Она бралась за любую работу и никогда не жаловалась, поскольку это была возможность купить продукты, одежду, обувь, заплатить за квартиру, а также отложить на прочие нужды. Этому нас научили и родители, объясняя жизненную необходимость труда с раннего детства. Но и бабулин пример — не сидеть сложа руки — оставил свой след на наших с сестрой характерах.

...И теперь на одной из моих книжных полок стоит «Днесь светло красуется» и приносит мне утешение и радость.

Татьяна Яковлева

г. Новолукомль, Витебская область, Беларусь

СТАРУШКА

Старый сад, старый дом на пригорке,
Куст смородины, вишни, забор,
И малинник с крыжовником колким,
Хмеля дикого тёмный шатёр.

Старый дуб, верный стражник, в ненастье
Укрывает листвою скамью.
Тут старушка в платочке цветастом
Вспоминает судьбину свою.

Жизнь прошла, всё одна, так случилось,
Ни детей, ни родных — сирота,
Раньше бегала по двору живность,
А теперь вот — два рыжих кота.

Одиночество, горше нет горя,
Пострашней только смерти вуаль,
За столом пригорюнились двое,
Та старушка да с нею печаль.

Как подруги поплачут немножко
Да помолятся в красном углу,
Выйдут в сад и вздохнут, и в окошко
Ночью долго глядят на луну.

Больно видеть садов запустенье,
Заколочены окна в домах.
Их немного осталось в деревнях,
Тех старушек с печалью в глазах.

Позабыт дом в далёкой сторонке,
Покосился, завален забор,
А в окне за застиранной шторкой
Живёт старость — судьбы приговор.

Вместо послесловия

Дорогие друзья!

Мы очень старались завершить работу над сборником до наступления Нового года.

Во-первых, потому что нам хотелось успеть пожелать вам счастья, благополучия, здоровья и оптимизма в спешащем нам навстречу 2020 году.

Во-вторых, коллектив издательства «Серебро Слов» планирует начать очередной календарный год с непосредственной работы над рукописями авторов, которые подали заявки в юбилейный спецвыпуск к 75-летию Победы. Сегодня мы рады сообщить вам, что таких материалов в издательском портфеле много. Они интересные, уникальные, бередящие душу и укрепляющие нашу память о Подвиге всенародном.

Поскольку принято решение об издании двух сборников к юбилею победоносного окончания Великой Отечественной войны, обращаемся ко всем, кто ещё не успел рассказать семейные истории или подготовить к публикации воспоминания старшего поколения: спешите воплотить свои задумки в поэтические и прозаические строки. Правды много не бывает. Напротив, её может не хватать для полноты ощущения причастности каждой семьи, каждого рода к ратным и трудовым заслугам советских людей в 1941–1945 годах. Воевали тогда всем миром, вот и праздновать надо сообща: песней, строкой в стихотворении, рассказом иль повестью, фронтовой фотографией, старыми письмами с передовой и в тыл мы должны рассказать о тех, кто в смертельной схватке с врагом не дрогнул.

Задуманная нами летопись народного подвига не имеет конца, и мы с нетерпением ждём новых её страниц, написанных вами и посвящённых мужеству непокорённых.

Н. Казакова,
автор, редактор-составитель сборников
«Дорогие мои старики»

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Казакова. Слово к читателям 3

Светлана Бестужева-Лада. 8
Татьяна Гуркова 19
Александр Деловеров 24
Александр Дубровин 34
Анна Дьяконова 38
Владимир Карасов 39
Надежда Казакова 44
Надежда Кульчицкая 52
Людмила Колбасова. 54
Иаков Липянский 91
Фаина Нестерова 95
Любовь Потанина 110
Тамара Потапова 112
Ирина Салтанова 115
Анна Шувалова 127
Татьяна Яковлева 130

Н. Казакова. Вместо послесловия 131

Дорогие мои старики

Сборник произведений
Выпуск 4

Редколлегия:
С.С. Антипов, И.Е. Витюк,
Д.В. Минаев, Н.В. Казакова

Редактор-составитель: *Н.В. Казакова*

Дизайн обложки: *Е.В. Анисимова*

Корректор: *А.Е. Русских*

Компьютерная вёрстка: *А.А. Минаева*

Подписано в печать 20.01.2020
Формат 60x90/16. Бум. офс. 80 г/м^2.
Печать цифровая. Объём 8,375 усл. п/л.
Гарнитура BalticaC.
Тираж 500 экз. Заказ № 150077

Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корпус 5.
Тел: 8 (495) 322 38 30
www.t8print.ru

ISBN 978-5-907316-00-3

ООО Издательство «Серебро Слов»

Телефон: *8 (926) 433-33-99*

E-mail: *serebro.slov@gmail.com*

Сайт: *http://tvoyakniga.ru*

Интернет-магазин:

http://tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/